
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 19 МАЙ 1981

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ,

1 МАЯ 1981 ГОДА

Фоторепортаж с Красной площади вели Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. БОЧИНИН, А. НАГРАЛЬЯН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 19 (2808)

9 МАЯ 1981

Торжественное шествие на главной площади страны.

ПЕРВОЕ МАЯ 1981

АЛМА-АТА

ЛЕНИНГРАД

МОЛДАВИЯ

ХАБАРОВСК

Фото ТАСС

ГОДА

ТАЛЛИН

МОСКВА

Во время переговоров.

Фото В. Егорова и В. Кузьмина (ТАСС)

ВИЗИТ ЗАВЕРШЕН

По приглашению Центрального Комитета КПСС и Президиума Верховного Совета СССР с 27 по 29 апреля 1981 года в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находился лидер революции 1 сентября в Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии полковник Муамар Каддафи.

Состоялись переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР Н. А. Тихоновым, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым и руководителем ливийской революции М. Каддафи, главнокомандующим вооруженными силами Ливийской Джамахирии Абу Бакром Юнесом Джабером, секретарем народного бюро по внешним связям Абдель Ати Обейди, секретарем по делам атомной энергетики Абдель Маджидом Гаудом, секретарем по связи по иностранным делам Али Абдель Саламом Трейки, секретарем по делам тяжелой промышленности Омаром Мустафой Мунтасером, секретарем по делам электрификации Дж. Арбашем.

В ходе переговоров, проходивших в атмосфере широкого взаимопонимания и дружбы, стороны рассмотрели вопросы сотрудничества между двумя странами в различных областях. Они выразили удовлетворение высоким уровнем, которого достигли советско-ливийские отношения, и высказались за продолжение развития и расширение этих отношений.

Руководители Советского Союза и Ливийской Джамахирии обстоятельно рассмотрели вопросы современного международного положения. При этом они с глубоким удовлетворением отметили, что их точки зрения полностью совпадают относительно необходимости ликвидации напряженности, укрепления мира и защиты законных интересов и суверенных прав народов, противодействия проискам империалистических сил в различных частях мира, что будет способствовать свободному и независимому развитию народов и даст им возможность самостоятельно распоряжаться национальными богатствами своих стран.

Во время пребывания М. Каддафи в Москве была подписана программа культурного и научного сотрудничества на 1981—1982 годы.

Стороны выразили глубокое удовлетворение результатами состоявшегося визита и считают, что он явился действенным вкладом в упрочение дружбы между двумя странами.

29 апреля лидер ливийской революции, глава Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии Муамар Каддафи отбыл из Москвы.

Проводы на аэродроме.

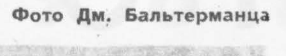

Фото Дм. Бальтерманца

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ К. ВАЛЬДХАЙМА

5 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле находящегося в Советском Союзе с официальным визитом генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма. В беседе принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

В состоявшейся беседе Л. И. Брежнев остановился на основных внешнеполитических инициативах, выдвинутых XXVI съездом КПСС.

В ходе беседы была подчеркнута настоятельная необходимость активизации усилий ООН на главном направлении ее деятельности — поддержании международного мира и безопасности.

Л. И. Брежнев подтвердил неизменность поддержки Советским Союзом усилий Организации Объединенных Наций, направленных на обеспечение международной безопасности и развитие сотрудничества между государствами в соответствии с положениями Устава ООН.

В беседе, которая проходила в теплой, дружественной обстановке, участвовали также помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, постоянный представитель СССР при ООН О. А. Трояновский, заместители генерального секретаря ООН М. Д. Сытенко и Х. Перес де Куэльяр.

Во время встречи.

Фото Дм. Бальтерманца

ЕВРОПЕ—МИР!

Владимир КАТИН

В Призывах ЦК КПСС к 1 Мая есть прямое обращение к Европе:

«Народы европейских стран! Боритесь против размещения в Западной Европе нового американского ракетно-ядерного оружия! Европе — мир, безопасность и сотрудничество!»

В эти майские дни будет уместно вспомнить, что ровно 36 лет назад Советский Союз спас Европу от коричневой чумы, освободил миллионы людей от нацистского ига. Сколько же их, французов и греков, бельгийцев и голландцев, одетых в полосатые рубища смертников, осталось в живых только потому, что двадцать миллионов советских людей погибли в огне войны! Неужели на Западе все это забыто?! Нет, народы Европы забыть такого не могут. Другое дело, что есть силы, которые хотели бы предать забвению великий подвиг нашей страны. Но у нас, в СССР, ничто не забыто, никто не забыт.

За послевоенный период Советский Союз сделал Западу целый ряд конкретных предложений о том, как, не поступясь национальной безопасностью, избежать вооруженной конфронтации, исключить войны из жизни людей. В результате в Европе совместными усилиями был создан климат разрядки напряженности — определенного доверия и перспективного сотрудничества. Но всякий раз, когда советские предложения делались в направлении военной разрядки — обуздать гонку вооружений, сократить численность войск и так далее, — всякий раз эти предложения упирались в глухую стену молчания. В этом, главном вопросе взаимопонимания до сих пор нет. Вот и получается, что параллельно с разрядкой идет гонка вооружений, что в конечном счете может обернуться против самой разрядки и привести к непоправимым трагическим последствиям.

Особенно остро эта проблема стоит для Европы, откуда начались две мировые войны и куда сейчас стянуто оружия и разрушительных средств во много раз больше, чем их было в период двух мировых войн. Чтобы разрядить здесь взрывоопасную обстановку, Советский Союз предложил Западу в начале этого года целую программу конкретных и эффективных мер по сдерживанию гонки вооружений, и в первую очередь ядерных. Эта программа была изложена Леонидом Ильичом Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, а также в его посланиях руководителям ряда западноевропейских государств. При этом наша страна исходит из того, что пытаться победить друг друга в гонке вооружений, рассчитывать на победу в ядерной войне — это опасное безумие. Поэтому и предлагается в спокойной обстановке, без угроз и бряцания ракетно-ядерным оружием, сесть за стол переговоров и обсудить все то, что волнует сегодня и Восток и Запад в отношении их безопасности. Разве в этом можно увидеть какой-то злой умысел?

В этих целях было предложено созвать общеевропейскую конференцию по вопросам военной разрядки и разоружения. В этих целях СССР согласился расширить зону мер доверия на всю свою европейскую часть при условии расширения зоны таких мер и со стороны западных государств. Наконец, в целях прекращения эскалации ядерных вооружений предлагается договориться о том, чтобы уже теперь установить мораторий на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности стран НАТО и СССР. Суть этих предложений состоит в том, чтобы приступить к решению проблемы обуздания безудержной гонки вооружений в Европе. А для начала следует хотя бы подвести черту под тем, что уже есть, и прежде всего надо прекратить всякое размещение новых и замену имеющихся ракетно-ядерных средств средней дальности — хотя бы на время переговоров.

Новые мирные инициативы нашей страны встретили весьма положительный отклик в широких политических кругах и среди общественности Западной Европы. Однако не заставили себя ждать и те, кому они пришлись явно не по вкусу. Чтобы уйти от ответа по существу, в некоторых западных столицах, в частности в Вашингтоне, пытаются ставить нам какие-то предварительные условия. Просматривается также явная тенденция сломать существующее равновесие военных сил между социалистическими странами и Западом. Нет, в нашу эпоху никто не должен ставить своей целью достижение односторонних преимуществ. Обеспечить равновесие сил на более низком уровне — вот в чем состоит задача. А это надежный путь к уменьшению опасности ядерного конфликта. К сожалению, нельзя сказать, что руководители всех стран НАТО занимают в этом вопросе конструктивную позицию. Многое из того, что ими говорится в этой связи, можно истолковать только так, что у них нет желания содействовать достижению взаимоприемлемых решений, способных избавить народы Европы от серьезных опасностей.

ВЫСОКИЕ НАГРАДЫ УЧЕНЫМ

П. Н. Федосеев.

Густав Гусак.

Президиум Академии наук СССР присудил золотые медали имени Карла Маркса за 1981 год академику Федосееву Петру Николаевичу и товарищу Густаву Гусаку. Золотая медаль имени Карла Маркса является высшей наградой Академии наук СССР и присуждается за выдающиеся достижения в области общественных наук.

Академик П. Н. Федосеев — член ЦК КПСС, вице-президент Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда, председатель секции общественных наук президиума АН СССР, почетный член ряда академий наук зарубежных стран. Он является известным ученым-обществоведом, автором многих трудов по проблемам марксистско-ленинской философии и социологии. Большой вклад им внесен в разработку проблем диалектического и исторического материализма, философских проблем естествознания, истории КПСС и мирового революционного движения. В его трудах дан глубокий анализ диалектики современного общественного развития, взаимодействия производительных сил и производственных отношений общества, роли народных масс и личности в истории, вопросов культуры и гуманизма, методологических проблем общественных наук.

Товарищ Густав Гусак — Генеральный секретарь ЦК КПЧ, президент Чехословацкой Социалистической Республики, видный деятель чехословацкого и международного коммунистического движения. Он — дважды Герой ЧССР. Товарищ Густав Гусак широко известен и как крупный ученый-обществовед. Научная общественность высоко ценит его выдающиеся заслуги в изучении актуальных вопросов марксистско-ленинской теории общественного развития и проблем социалистического строительства. Он является автором многочисленных содержательных работ по актуальным проблемам марксистско-ленинской теории.

Большую известность в Чехословакии и далеко за ее пределами получили такие труды Густава Гусака, как «Ленинизм и коммунистическое движение в Чехословакии», «Ленинское учение о партии и чехословацкая действительность», «Партия, государство, народ», «СССР — источник революционной силы и вдохновения», «Мир и свобода», «Избранные статьи и речи» и другие.

Представители бригад-победительниц с призами «Огонька». Фото В. Кузнецова

«ОГОНЕК» НА БАМе

Весна щедро одаривала теплом бамовскую столицу. Мы гуляли по уже знакомым улицам города, вспоминали добрыми словами московских строителей, подаривших бамовцам новую, «белокаменную» Тынду. При нас бригада, возглавляемая посланцем Москвы Анатолием Гусевым, ставшим здесь, на БАМе, Героем Социалистического Труда, сдавала к Первомаю свою очередную девятиэтажку.

Бамовцы не раз в эти дни с гордостью напоминали нам, что стройка века в одиннадцатой пятилетке выходит на финишную прямую. Сегодня БАМ — это более 2 тысяч 700 километров главных станционных и вторых путей, по которым уже ходят поезда рабочего движения. Посылая приветствие бамовцам, Леонид Ильич Брежнев подчеркивал, что «по новым магистралям идут эшелоны с углем и лесом, строительными материалами и техникой, другими народнохозяйственными грузами».

В нынешней пятилетке по сравнению с десятой почти в два раза возрастет объем некоторых видов строительно-монтажных работ, за пятилетку строители должны возвести более тысячи различных сооружений, пройти свыше двадцати тысяч погонных метров тоннелей, произвести двести миллионов кубометров земляных работ. А главная задача — открыть сквозное движение на всем протяжении Байкало-Амурской магистрали.

На следующий день мы встретились с ветеранами БАМа, с теми, кто строит магистраль сегодня, кому предстоит завтра соединить бамовские рельсы. Это была традиционная встреча старых друзей.

В Тынде имеется два десятка клубов и домов культуры. Один из них — самый молодой, «Олимпийский»,— и был избран местом нашей встречи. На сцене «Олимпийского» эмблема «Огонька». В креслах строители западного и центрального участков. Посланцы бригад-победительниц приехали получить награды за ударный труд. Их показатели самые высокие, и лавры первенства в конкурсе, объявленном шесть лет назад Министерством транспортного строительства СССР, ЦК профсоюза работников железнодорожного транспорта и редакцией журнала «Огонек», принимать им.

На стройке, какой бы она ни была, жилой ли это дом, либо крупнейший комплекс, основное звено — бригада. На встрече говорилось, что современная бригада выполняет работу большой инженерной сложности, огромной стоимости, она не только решает судьбу любого объекта, судьбу плана, но, главное, воспитывает человека.

В соревновании за призы «Огонька» участвуют 460 бригад. Методом бригадного подряда ими за это время выполнено строительно-монтажных работ более чем на 400 миллионов рублей. Ежегодная экономия — свыше 5 миллионов рублей.

Вспоминаются первые шаги. Огромное внимание уделил отдел труда и заработной платы «Главбамстроя» внедрению бригадного подряда на строительстве магистрали. И сегодня, вручая призы победителям, мы благодарим инженера этого отдела Людмилу Андреевну Маслову, внесшую немалый вклад в организацию бригадного подряда на БАМе, и всех тех, кто причастен к этому очень нужному стройке делу. Но бамовцы уже думают о подряде на пятилетку. Об этом говорил в своем выступлении, открывая встречу, начальник «Главбамстроя» Константин Владимирович Мохортов. Он же подчеркнул необходимость расширения конкурса «Огонька», соревнования бамовских бригад с коллективами, готовящими продукцию для стройки века,— крепко подводят ее поставщики шпал, мостовых пролетов и т. д.

Член редакционной коллегии «Огонька» А. Г. Панченко и корреспонденты журнала В. А. Пронин и В. А. Кузнецов вручили призы победителям. Кубками журнала, поездкой в Москву, годовой подпиской и литературным приложением «Огонька» премированы бригады В. С. Сигаева и И. А. Еременко, занявшие два первых места. Вымпелы за вторые и третьи места получили представители бригад Н. Д. Таликина, А. И. Курочкина, Б. В. Мелованова и Г. Н. Турко.

Перед лауреатами конкурса с большим концертом выступил ансамбль «Ритмы БАМа».

ТРИЕДИНОЕ ЗЛО

Владимир НИКОЛАЕВ

Далеко не все главные движущие пружины американского политического механизма находятся на виду у широкой общественности. Это не случайно. Власть предержащие намеренно пытаются скрыть их и от своего народа и от взора зарубежных наблюдателей. Разоблачению тайн, я бы даже сказал, анатомии американской политической кухни посвящена книга И. Геевского, заслуживающая обстоятельного разбора.

Итак, перед нами капитальная публицистическая работа на столь актуальную тему. А начинается она с анализа так называемой организованной преступности в США. Казалось бы, особая тема... Но не торопитесь с выводами!

Автор рассказывает об истории американской мафии, точнее — о всеамериканской преступной корпорации, известной под именем «Коза ностра». Она состоит, пишет И. Геевский, ссылаясь на американские источники, из 24 территориальных групп (по другим данным, из 26 групп.— **В. Н.**), называемых «семьями». Эти «семьи» поделили страну между собой. Такой лакомый кусок, как Нью-Йорк, например, поделен на пять зон влияния пятью «семьями», другие гангстерские кланы захватили себе разные штаты. Каждая такая «семья» состоит из нескольких сот крупнокалиберных матерых бандитов. Но они, как правило, не грабят прохожих и не обчищают банковские сейфы. Их уголовный бизнес более тонок, многолик и высоко организован. Вымогательство, шантаж, убийство по заказу, ростовщичество, торговля наркотиками, азартные игры, проституция, порнография — вот основные деловые сферы «Коза ностры». Американский исследователь Томас Плейт в книге «Преступление себя оправдывает» пишет: «Организованная преступность — самая большая отрасль американского бизнеса. Она относится к тому же разряду, что и фирма «Дженерал моторс» с ее ежегодным бюджетом в 36 миллиардов долларов». Обратите внимание в этом определении на два выражения: «самая большая отрасль» и «к тому же разряду». Да, это действительно так, «Коза ностра» — самое большое в США деловое предприятие, ни одна другая американская корпорация по своим доходам и близко не подходит к ее прибылям. Потому Томас Плейт и относит «Коза ностру» «к тому же разряду, что и фирма «Дженерал моторс». Но дело не только и не столько в соразмерности доходов.

По ходу изложения истории американской мафии автор рассказывает о ее руководителях, кровавой борьбе за власть в верхнем эшелоне гангстерской корпорации и между «семьями» (за сферы влияния). Речь идет все о той же извечной конкуренции в капиталистическом обществе, где в сфере легального бизнеса убивают долларом, а в сфере бизнеса нелегального — пулей.

Перед читателем проходит любопытная галерея гангстерских боссов, руководивших «Коза ностра» в последние десятилетия. Все они прежде всего миллионеры! Состояние одного из них, Майера Лански, которого на протяжении полувека справедливо считали одним из столпов преступного синдиката, достигло в 70-е годы 300 миллионов долларов. Как известно, люди с таким достатком не по зубам американскому правосудию. В этом одна из причин неуязвимости «Коза ностры».

На примере этого гангстерского патриарха автор книги раскрывает не только уголовную суть лидеров «Коза ностры». И. Геевский приводит такую цитату из труда американского автора Хэнка Мессика: «Главным образом в результате влияния Лански организованная преступность претерпела изменения, превратившие ее из уродливого нароста на теле американской политики, который можно было бы удалить хирургическим путем, в пораженную раком часть нашей экономической и политической системы».

Да, под руководством таких гангстерских боссов нового типа, как Лански, преступный бизнес вторгся в сферу легального делового мира страны. Лидеры «Коза ностры» сами или же через подставных лиц владеют вполне легальными предприятиями, где счет идет тоже на миллиарды. И все труднее в США отличить бизнесмена от гангстера. Одновременно с этим процессом растет влияние организованной преступности на политическую жизнь страны, причем гангстерские лидеры, конечно же, явно тяготеют к ее самому правому флангу. Тот же Лански является воинствующим антикоммунистом, типичным «ястребом», он в свое время считал, что надо «разбить Ханой вдребезги». Любопытно, что своего сыночка Лански определил в академию «Вест-Пойнт», где куются офицерские кадры американской армии.

Уже цитировавшийся выше Хэнк Мессик пишет: «В своей деятельности Майер Лански исходил прежде всего из того, что организованная преступность является лишь продолжением системы свободного предпринимательства. Гангстеры были только несколько свободнее в выборе средств, чем те, кто действовал в рамках закона. Однако границы между легальной и незаконной деятельностью временами стирались, особенно когда это касалось крупных финансовых операций. Те, кто орудовал в пограничной области между законной и незаконной деятельностью, считали, что главная опасность свободному предпринимательству исходит от левых сил, интеллектуалов, либералов, так называемых "яйцеголовых», и в конечном счете от международного коммунистического заговора. Это сделало почти неизбежным создание неофициального союза между правым крылом политических сил Америки и организованной преступностью. У них была общая цель — уничтожение всего того, что препятствовало получению прибылей».

Характерна также тесная связь Лански и его гангстерского концерна с воинствующим сионизмом. Он всегда публично выступал за «поддержку дела Израиля». Специалисты утверждают, что крупнейший банкир Тибор Розенбаум, председатель финансового комитета Всемирной сионистской организации, был одновременно сообщником Лански, банкиром преступного мира. В том обществе деньги не пахнут! Вспомним, как писал Максим Горький: банкир рождает бандита. В случае с Лански и Розенбаумом можно сказать и наоборот: бандит родил банкира. Впрочем, какая разница?! Все они одним долларом мазаны! В 1978 году специальная сенатская комиссия по расследованию организованной преступности вскрыла 46 видов легальной деятельности, в которые вкладывают свои средства гангстеры. Среди них — нефтяная, автостроительная, металлургическая и другие отрасли.

В таких условиях ясно, что организованная преступность в США — зло неистребимое. Бывший министр юстиции Соединенных Штатов Рамсей Кларк в свое время сетовал на то, что Федеральное бюро расследований (ФБР) никогда не проявляло должной активности в борьбе с «Коза ностра», хотя, казалось бы, как пишет Кларк, для ФБР «трудно представить себе более естественного противника». Не случайно американский исследователь Роберт Нэш констатирует: «В течение более тридцати пяти лет, будучи главой ФБР, Гувер хранил молчание по поводу существования преступного синдиката, не давая ни убедительных объяснений, ни оправданий своей позиции».

При своих миллиардных барышах мафия не жалеет средств на подкуп нужных людей в политике, суде, полиции... Один из лидеров «Коза ностры», некий Лучано, откровенничал: «Еще в ту пору, когда мы были ребятами, мы уже хорошо знали, что людей можно купить. Вопрос заключался лишь в том, сколько придется заплатить. Мы видели, как это происходило повсюду вокруг нас». Ну, ладно, это точка зрения гангстера, а вот что говорит по тому же поводу уже цитировавшийся нами выше бывший министр юстиции США Р. Кларк: «Наибольший вред, который причиняет организованная преступность, заключается в коррупции должностных лиц».

И. Геевский в своей книге подробно разбирает еще один аспект американский жизни — зловещий альянс между Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) и мафией. Он раскрывает детали совместного заговора ЦРУ и «Коза ностры» против Фиделя Кастро: ЦРУ неоднократно поручало гангстерам убить лидера кубинской революции. Вербовка ЦРУ профессиональных убийц для своих грязных и кровавых дел — давняя практика американской разведки. Тот же ее почерк виден и в заговоре против вождя освободительного движения в Конго Патриса Лумумбы. С каждым годом накапливаются факты, свидетельствующие об участии альянса ЦРУ — мафия в убийстве американского президента Кеннеди. Этому событию в книге посвящена специальная глава.

И, наконец, автор в разделе книги, названном «Дороги, ведущие к «Уотергейту», детально разбирает теперь уже всемирно известный политический скандал, в результате которого американский президент Никсон был вынужден покинуть свой высокий пост. Когда Никсон и его администрация запутались в политических и уголовных махинациях и лихорадочно пытались загасить скандал, между Никсоном и его юрисконсультом Дином произошел разговор, записанный тогда на пленку (Никсон сам это все записывал), которая сохранилась. Вот он:

«Д. Дин. Итак, где же наши уязвимые места? Прежде всего опасность непрекращающегося шантажа, не только сейчас, но и до тех пор, пока эти люди (участники преступной операции в «Уотергейте».— **В. Н.**) находятся в тюрьме. Нам придется давать им деньги, а это опасно. Нас могут обвинить в том, что мы препятствуем отправлению правосудия. Нам придется доставать деньги. Но люди, окружающие нас, не профессионалы в такого рода делах. Их умеют обделывать люди мафии — «отмывание» денег, добывание «чистых» денег. Мы просто не знаем всего этого, потому что мы не уголовники, у нас нет опыта.

Р. Никсон. Верно.

Д. Дин. А научиться, как это делается, не так уж просто.

Р. Никсон. Может быть, привлечь какую-нибудь банду, чтобы она это сделала?

Д. Дин. Верно».

И разговорами дело не ограничилось. Взяли-таки они у гангстеров деньги — один миллион долларов! Таково оказалось подлинное лицо американского президента. Куда уж дальше ехать! Тот же Дин составил при Никсоне специальный меморандум, в котором, в частности, говорилось: «Настоящий меморандум посвящен тому, как мы можем использовать имеющийся в нашем распоряжении федеральный аппарат, с тем чтобы придавить наших политических противников». В этих словах — вся подлинная цена так называемой буржуазной демократии вообще и американской в частности!

В своей книге И. Геевский исследует три сферы американской жизни: организованную преступность, бизнес и политику. И оказывается, они так тесно связаны друг с другом, как жидкость в сообщающихся сосудах. Это — триединое зло! Убедительное его разоблачение — главное достоинство книги.

И. А. Геевский, «Мафия, ЦРУ, Уотергейт», Москва, Политиздат, 1980 год, 287 стр.

У ИСТОКОВ РАДИОТЕХНИКИ

Исполнилось 100 лет со дня рождения известного русского ученого В. П. Вологдина. И хотя уже больше четверти века нет с нами Валентина Петровича, его научные труды в области радиотехники, его исследования по применению токов высокой частоты в промышленности и сельском хозяйстве продолжают верно служить стране. 81 изобретение, больше 180 научных работ — таково наследие этого замечательного ученого и революционера, воспитавшего целую плеяду учеников и последователей...

Валентин Петрович Вологдин окончил в 1900 году Пермское реальное училище с отличием и по примеру старших братьев поступил в Петербургский технологический институт. За участие в демонстрации у Казанского собора в защиту киевских студентов, отданных в солдаты, его арестовали и, продержав около месяца в Литовском замке, выслали на родину.

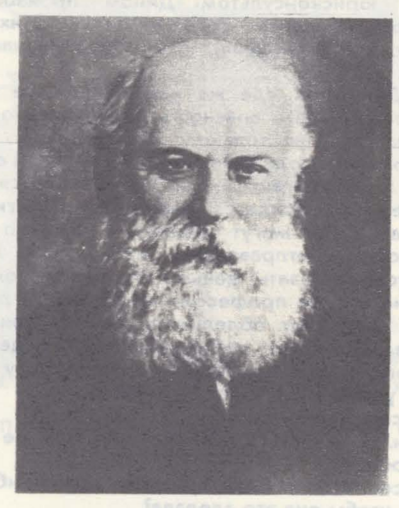
Еще не раз царские жандармы будут арестовывать революционно настроенного инженера. Во время одного из арестов он попадает в камеру вместе с Яковом Михайловичем Свердловым. Их разговоры сыграют огромную роль в формировании характера будущего ученого-гражданина.

Позже Вологдин вспоминал: «Да, конечно, можно было бы избежать ареста и высылки, спокойно учиться. Но для этого пришлось бы не замечать произвола властей, отгородиться от товарищей, склониться под гнетом, то есть потерять к себе уважение». Вологдина должны были сослать в Сибирь. В тюремной церкви он и его невеста обвенчались, решив ехать в ссылку вместе. Однако обстановка в России изменилась. По ходатайству революционно настроенных профессоров Валентину Вологдину разрешили доучиться. Он с отличием заканчивает Технологический институт.

В 1910 году Вологдин изготавливает по заказу морских инженеров электрический генератор повышенной частоты для радиостанций флота. А потом строит первый в России генератор высокой частоты, который был установлен на многих кораблях флота.

Радостно встречает молодой инженер Великую Октябрьскую социалистическую революцию. В 1918 году он среди руководителей знаменитой Нижегородской радиолаборатории. Здесь ученый первым в мире разрабатывает высоковольтные ртутные выпрямители, строит мощные электрические генераторы высокой частоты. Их устанавливают в Москве на Октябрьской радиостанции.

Известность Вологдина растет. В. В. Куйбышев приглашает ученого в Ленинград на должность члена правления треста заводов слабого

тока: «...Вы не только ученый, не только изобретатель... Помогите нам наладить и развить молодую советскую радиопромышленность». Валентин Петрович переезжает в Ленинград. Здесь создает он свою научную школу...

В самом начале Великой Отечественной войны Валентин Петрович организовывает на заводе в Челябинске лабораторию по закалке важнейших частей тяжелых танков и орудийных установок. Любопытно, что открытия и разработки Вологдина, за которые ученый был удостоен Государственной премии, были тогда признаны даже нашими врагами. В фашистской Германии, например, переводилась на немецкий язык монография «Поверхностная закалка индукционным способом» и с грифом особой секретности рекомендована промышленности для внедрения метода Вологдина.

В Ленинграде создается для Вологдина специальный институт. До конца жизни Валентин Петрович остается его директором и научным руководителем. Ныне дело ученого продолжают его многочисленные ученики.

В. РОГИНСКИЙ,
кандидат технических наук,
сотрудник ВНИИ токов высокой частоты
имени В. П. Вологдина

ОРСК—

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора

вгуста 15 дня... Первая Оренбургская крепость о четырех бастионах, купно с цитаделью малой на горе Преображенской, с земляною работою при пушечной стрельбе заложена...»

Было это без малого двести пятьдесят лет назад. Так начиналась Орская крепость — будущий Орск.

Судьбы городов складываются по-разному. Иной сразу обретает и честь и славу. Другие дремлют и дремлют в безвестье, пока не пробьет их час. Более века миновало со дней заложения крепости, а сосланный сюда этапным порядком Тарас Шевченко с болью писал: «Подъезжая ближе к крепости, я думал (странная дума), поют ли песни в этой крепости, и готов бы бог знает что прозакладывать, что не поют... Недаром ее киргизы называют Яман-кала (плохой город). По-моему, это самое приличное ее название...»

И еще век миновал. Уже в наши тридцатые годы стал обретать Орск черты промышленного центра — одного из крупных индустриальных городов Южного Урала. Первая установка для нефтепереработки в этом регионе создавалась здесь. В 1935 году Орский нефтеперерабатывающий дал продукцию — керосин и бензин. Первый советский никель пошел из Орска. Вскоре Южно-Уральский никелевый комбинат освоил производство не только сверхчистого никеля, но и кобальта. Обрушившаяся на нашу страну война не прервала развития Орско-Халиловского индустриального района. В суровое военное время, в июне 1942 года, в Орске начинается строительство машиностроительного завода, а в 1943 году Южуралмаш уже дает кузнечно-прессовое, шахтное и другое оборудование. В послевоенные годы по соседству с городом вырастает мощный Орско-Халиловский металлургический комбинат... Время требует уже иного измерения: не за века, не за десятилетия и даже не за пятилетки, а за год-другой совершаются преобразования, которые под стать возникновению новых промышленных центров.

...В еще пустом пролете цеха мы отыскали бригадира монтажников треста «Новотроицкметаллургстрой» Петра Алексеевича Гамова. Цех этот на Орско-Халиловском металлургическом комбинате вспомогательный, электроремонтный. Здесь будут чинить электродвигатели, которых на предприятии ни много ни мало — более двадцати тысяч. Я приезжал на этот комбинат в начале 1978 года. Тогда была горячая пора — вводился новый стан-800. На монтаже работал и Гамов. Прошло время. Стан действует. Прокатывает полосу для КамАЗа. А на груди бригадира появилась Золотая Звезда Героя Социалистического Труда...

В тот приезд так и не хватило времени попасть на строящееся предприятие — Орский завод тракторных прицепов. Но мне рассказывали: завод строился, а прицепы уже шли. Немного сначала — пятьдесят штук в 1976 году, вдесятеро больше в следующем, еще почти вдесятеро больше в семьдесят восьмом, а в 79-м был сдан первый комплекс первой очереди для выпуска десяти тысяч прицепов в год...

И вот сейчас вместе с директором завода Петром Васильевичем Атаманициным мы въехали в один из заводских корпусов. И дохнуло хорошо знакомым мне КамАЗом: прессы, конвейеры. Масштаб!..

Я не преминул заметить:

— Камазовский масштаб. Разве только что на выходе не автомобили, а тележки.

— Ну, это вы напрасно — тележки. Прицеп к тракторам К-700 и К-701 — почти автомобиль. Он оснащен всевозможными механизмами, автоматически разгружается и дистанционно, с трактора управляется. Умелая машина, позарез необходимая в сельском хозяйстве... К сожалению, не все идет у нас так, как хотелось бы. Подводят смежники. Красноярский завод автомобильных и тракторных прицепов, от которого мы должны получать шестнадцать видов заготовок, наполовину срывает поставки. Минский автозавод и Гродненский автоагрегатный тоже тормозят дело...

Директор с гордостью показывал нам заводской поселок. Это полноценный городской район с современными девятиэтажками и всеми необходимыми службами. В нем уже сейчас сто двадцать тысяч квадратных метров жилья и школа, и ГПТУ, и магазины, и детские сады... И свой пионерский лагерь действует — «Лесная сказка». Аккуратные, не слишком большие и не маленькие, красивой кирпичной кладки корпуса, расписаны хорошими художниками. Широкая лестница сбегает к реке Урал. Весна уже коснулась ветвей, ударила яркой зеленью, и вода в Урале вспухла, до краев налила берега.

Отвечая на мой вопрос о самом желанном в планах, Петр Васильевич говорит:

— Уничтожить последний барак.

Думается, что уже недалек день, о котором мечтает директор.

...Любят оричи свой город, заботливо обустраивают его, ухаживают за ним. И при этом особо заботятся о молодежи. При жилищных конторах действуют домовые клубы. Сегодня в клуб «Звездочка» на встречу со школьниками пришла Мария Ефимовна Костылева, воевавшая на 1-м Украинском фронте, а потом работавшая на стройках Орска.

Ребята постарше собираются по вечерам на дворовые агитплощадки. Здесь можно и музыку послушать и фильм посмотреть, а главное — встретить интересных людей и потолковать о многом...

Популярен шахматно-шашечный клуб Орска, в котором занимаются учащиеся детско-юношеской спортивной школы. Их тут четыреста, юных шахматистов.

И все же славу городу приносит труд, труд людей, которые плавят металл, делают уникальные станки, строят цеха и дома...

В добрый час, город на Ори!

●

Старший мастер Южно-Уральского машиностроительного завода, Герой Социалистического Труда Ш. Б. Жуматаев — наставник молодежи * Орско-Халиловский металлургический...

ГОРОД УРАЛЬСКИЙ

Н. АЛЕКСЕЕВА

ПЕСНЯ, ПОНЯТНАЯ КАЖДОМУ

Со стороны может показаться, что творческий путь Надежды Чепраги легок, безоблачен, чрезвычайно удачлив. В самом деле, далеко не всякому исполнителю удается столь быстро добиться популярности, признания у многомиллионного слушателя, как это случилось с молодой молдавской певицей. И ведь для такого «везения» совсем недостаточно иметь привлекательную внешность и хороший голос, которыми щедро одарила Надежду Чепрагу природа.

Вот тут как раз и хочется напомнить, что путь артиста — это всегда путь в гору, всегда восхождение, требующее все бо́льших усилий по мере приближения к блистающей вершине.

Этот путь начался для Нади Чепраги в родном селе Распопены, где еще в раннем детстве будущая певица удивляла и радовала односельчан звучным, мелодичным «мурлыканьем», как называла это мама. Наде всегда хотелось, чтобы ее слушало как можно больше людей. Чуть ли не каждое утро она забиралась — уже в буквальном смысле — на одну из небольших гор, плотным кольцом обступавших село, и пела громко, пела на все село, сама же себе и аплодируя. В школьные годы у Нади появились свои постоянные слушатели, для которых она наряжалась в мамины широкие длинные юбки и цветастые шали. Порой она делала это без спросу, и тогда не обходилось без «трагических» курьезов. Например, однажды она изображала цыганку. Трижды обмотавши вокруг себя зеленую атласную юбку, извлеченную ею на свет из старинного сундука, она под звуки музыки торжественно выплыла на школьную сцену и вдруг, каменея от стыда, услышала бабушкин вскрик из зрительного зала: «Ах, такая-сякая, мою юбку взяла! Да это ж я себе на похороны припасла!»

Несмотря на дочкины артистические успехи, ее родители, колхозники, мечтали видеть ее преподавателем французского языка. Они считали, что петь вообще в Молдавии все умеют, а Надежде нужна специальность, профессия. После школы ее отправили в Бельцы — поступать в пединститут. Родители не догадывались, что их дочь — незаметно для них — уже начала свое восхождение по единственной своей тропинке и нет силы, которая могла бы ее остановить. Конечно, и сама Надя еще не очень-то догадывалась об этом. Там, в Бельцах, она действовала словно подсознательно, повинуясь каким-то неожиданным и странным, как ей казалось, порывам. Ну как объяснить, например, то, что она, шестнадцатилетняя девчонка, во время концерта хоровой капеллы «Дойна» оказалась за кулисами и стала упрашивать артисток взять ее работать к себе... Короче говоря, вместо того, чтобы сидеть на лекциях в пединституте, она оказалась в Кишиневе, в музыкальном училище, и сразу на двух отделениях — вокальном и дирижерском.

Да, судьба вроде бы улыбалась ей. Но мы знаем еще и то, что судьба так милостива особенно к тем, кто не боится и не избегает трудностей и труда, а этого всегда было достаточно в Надиной жизни. Взять хотя бы училище,— ведь девушке пришлось начинать с нуля. На первых порах сплошные слезы! Ее голос, привычный к свободе, к щедрому раздолью родных полей, отказывался служить, повиноваться ей, умещаться в строгие ученические рамки, когда будущему певцу надо прежде всего уметь правильно дышать, правильно посылать звук, строить фразу... Ее упорства хватило бы на десятерых. Во всяком случае, его хватало еще на то, чтобы вечерами петь народные песни в самодеятельном ансамбле «Веселия»...

Результаты сказались скоро. Победа на всесоюзном телеконкурсе народного творчества «Карусель», а затем выступление в парижском зале «Олимпия»: представьте себе юную девушку в национальном костюме, с косою до колен, на роскошной и весьма престижной сцене (кстати, Надя Чепрага была единственной самодеятельной исполнительницей среди других участников концерта)... Став солисткой Молдавского радио и телевидения, она успешно участвовала во всемирных фестивалях молодежи и студентов в Берлине и Гаване, а также в Сопотском песенном конкурсе.

Певице на всю жизнь запомнились мудрые слова деда Василия из Котовского района (с ним она познакомилась в одной из своих поездок по родной республике в поисках народных песен): «Песню надо не только слышать, но и видеть». Сделать так, чтобы песню увидели и слушатели, — вот к чему стремится Чепрага, отчетливо представляя, сколь сложна и трудоемка эта задача.

Артистка не любит громкого музыкального сопровождения, грубых, форсированных звуков. Музыка ее песен — это всегда отдых, радость, раздумье... Слова — исповедь души человеческой, ее счастье или горе, ее ясность и искренность... Чепрага убеждена, что семьдесят процентов успеха новой песни обеспечивается ее глубоким смыслом, то есть умным, интересным текстом. Она, такая на первый взгляд спокойная, уступчивая, милая, становится непримиримо упрямой и придирчивой, если ее не устраивают слова песни. Тут она готова идти на конфликт.

Между прочим, с небольшого конфликта началась и ее творческая дружба с заслуженным деятелем искусств Молдавии, лауреатом Государственной премии республики композитором Евгением Догой, который впервые увидел и услышал певицу на телеэкране, в «Карусели», и решил предложить ей свою новую песню. Его привлекли широта диапазона (три октавы) и особый бархатный тембр голоса, отличающий его среди тысячи других, а также сама манера исполнения песен, близкая к народной, темпераментная, будто согретая жарким солнцем... В те годы эстрада (причем не только молдавская) переживала некоторый кризис; увлечение многих певцов недолговечными, но модными шлягерами порой пагубно сказывалось и на их профессиональном уровне. А произведения Евгения Доги, насыщенные национальным колоритом, эмоционально очень богатые, как бы вмещающие в себя всю многогранность народной души и оттого сложные по своей структуре, требовали от исполнителя полной отдачи, серьезной, углубленной работы над музыкальным материалом.

Итак, Евгений Дога принес Наде — она в то время училась в музучилище — «Веселую свадьбу», ставшую впоследствии «визитной карточкой» певицы. Но исполнительнице не понравились слова. Композитор посмотрел на нее удивленно и сказал, рассчитывая, наверное, немало озадачить девушку: «Хорошо, пишите слова сами!» Он не знал, что Надя увлекалась сочинением стихов, их даже печатали в газетах... Короче, был принят третий вариант ее слов. Этой песне, радостной, оптимистичной, рассказывающей о современной жизни молдавского народа, была суждена долгая жизнь. Так же, как и творческому содружеству композитора и певицы, создавших вместе более тридцати песен: «Мне приснился шум дождя», «Солнечный день», «Струны гитары», «Весна — ровесница любви» и другие.

— Я очень дорожу этой дружбой,— говорит Надежда Чепрага,— большое счастье для певицы — найти свою песню, иными словами, своего композитора. И особенно такого, как Евгений Дмитриевич Дога. С ним очень трудно работать, он неимоверно строг, требователен. Порой я даже плачу, но зато результат всегда прекрасен! И потом, после него мне легче работать с другими композиторами...

Вот видите, как все просто: трудности, вернее, их преодоление, подстегивают, закаляют, не дают расслабиться, не позволяют уставать. «Я никогда не была в отпуске»,— неожиданно признается Надежда. Какой уж тут отпуск, если даже на гастроли (или на съемки) приходится ездить с чемоданом, набитым учебниками, и в антрактах их зубрить. В этом году Надежда собирается закончить институт искусств, вокальный и дирижерский факультеты. А там, в стенах института, ее всегда ждет самый добрый человек в мире (как считает Надежда) и самый строгий, суровый педагог— народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР Тамара Савельевна Чебан, для которой заслуженная артистка Молдавской ССР, лауреат всесоюзных и международных конкурсов Надежда Чепрага была, есть и всегда будет ученицей. Убежденная, что искусство исполнения песен достигается в классике, она разложит на пюпитре оперные клавиры и скажет: «У тебя лирическое сопрано, здесь забудь про эстраду, про цветы и аплодисменты. Вспомни: Мария Биешу поет по шесть часов в день!» Когда же после урока речь все-таки зайдет о песне, Тамара Савельевна повторит: «Главное — никому не подражай, пропусти песню через себя, продумай ее. Не иди на поводу у моды. Пой хорошо — и будет модно!»

Тамара Савельевна давно, если так можно сказать, шефствует над Чепрагой, еще с берлинского молодежного фестиваля, где молодая певица поразила и слушателей и жюри, в которое входила Тамара Чебан, исполнением «Дойны». Много лет назад, на первом молодежном фестивале в Праге знаменитая Тамара Чебан тоже получила золотую медаль и тоже за «Дойну». Когда Чепрага закончила пение, она со страхом взглянула в зрительный зал и вдруг увидела счастливые, чуть-чуть повлажневшие глаза Тамары Савельевны. Так состоялось их знакомство.

— Она меня часто ругает,—рассказывает Надежда.— За дело, конечно, за то, что мало времени остается на учебу. Я часто езжу, а как солистка радио записываю очень много песен и должна работать над ними особенно тщательно. Да ведь и над другими тоже! Разве можно работать кое-как с такими композиторами, как Пахмутова, Бабаджанян, Мажуков... Разве можно работать вполсилы с Юрием Васильевичем Силантьевым!

А надо так много успеть! Пробую сама писать музыку. Мечтаю в ближайшем будущем организовать этнографический фольклорный ансамбль, целый театр народной песни: я собрала более шестидесяти забытых песен. Хочется больше участвовать в различных конкурсах и фестивалях, мне нравится дух творческого соревнования. Независимо от результатов чувствуешь себя сильнее, увереннее.

...Наутро ей надо было лететь в Москву—на съемки праздничного «Голубого огонька». Новую, только что сочиненную для этого песню она разучивала ночью, так как в течение всего дня дом был полон людей: заходили друзья, режиссеры телевидения, редакторы радио, поэты, композиторы, и беспрерывно звонил телефон... А ее лицо оставалось приветливым, покоряющим своей терпеливой готовностью откликнуться на любую просьбу...

Пусть думают, что мне все дается легко и просто,— казалось, подтверждала она своим видом,— что я еще многое смогу...

Собственно, так оно и есть на самом деле.

Заслуженная артистка Молдавской ССР Надежда Чепрага. Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Фотоочерк Я. БЕРЛИНЕРА

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

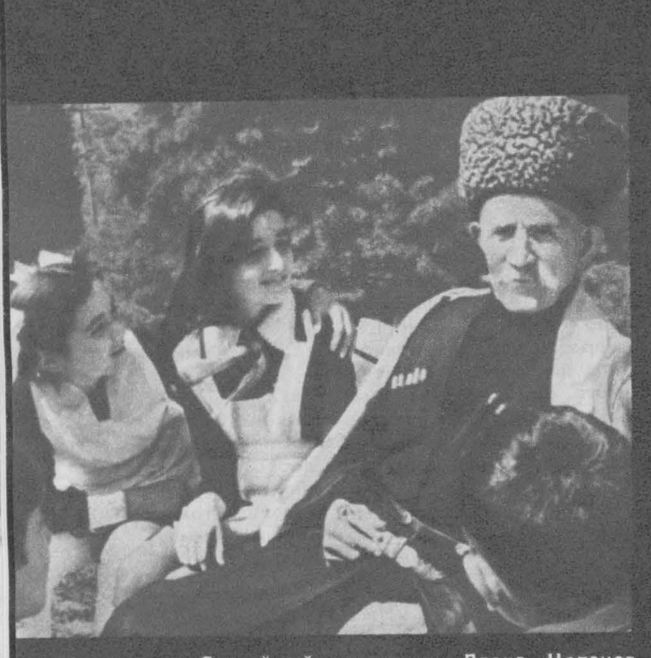
Расул Гамзатов

Ахмат и Валерий Газдановы учатся в школе, которая носит имя их дедов.

Старейший колхозник Дзоца Цопанов часто встречается с детворой. Он рассказывает им о подвигах односельчан.

В Северной Осетии, у обочины Арахонского тракта, лежит горное село Дзуарикау. Отсюда ушли воевать семь братьев Газдановых.

ПРЕВРАТИЛИСЬ В БЕЛЫХ ЖУР

Братья Газдановы (слева направо): Созарико, Хасанбек, Хаджисмел, Магомет, Шамиль, Дзапахмет и Махарбек.

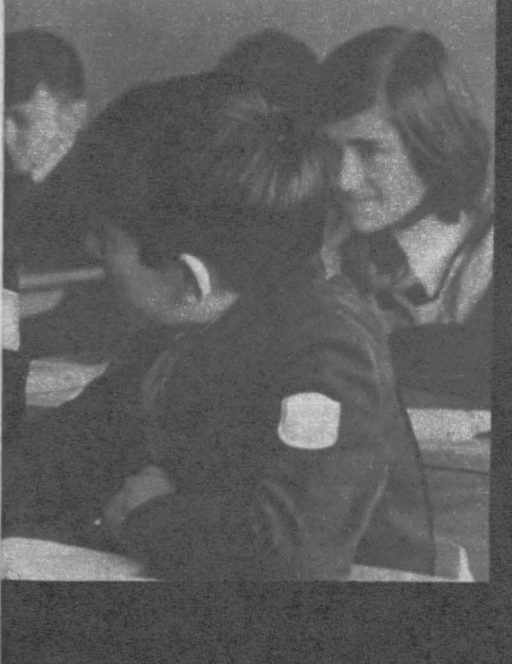

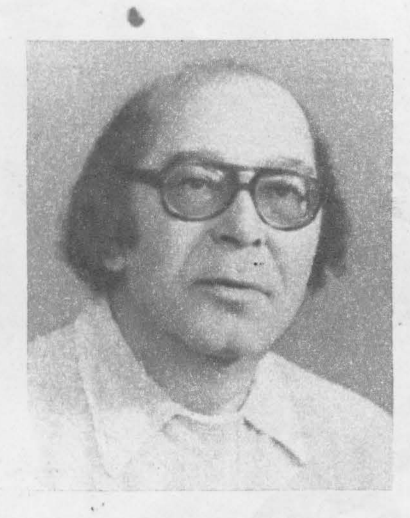
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса!

АВЛЕЙ...

На памятнике-обелиске выбита надпись: «Семи братьям Газдановым». Рядом, застывшая в граните, стоит мать. Велико ее горе. Семеро ее сыновей не вернулись с войны в родной дом.

ТЕРЕЗИН

А. АЛЬ-ХАМИСИ

ПОЭМА

Терезин — крепость в Чехословакии, превращенная нацистами в концентрационный лагерь. Комендантом его был гестаповец Юкль.

I

Небо легло на Терезин
Распластанной тушей,
Небо давило, подобно свинцовой плите.
Дымом кадильниц курились косматые тучи,
Он над землею
Вопросом немым тяготел:
— Влага из облака
Ливнем стремится пролиться,
Чтобы вернуться на землю, из коей взята,
Так почему же вовеки в родные места
Сонму бесчисленных жертв
Не дано возвратиться?
Сотням, не вынесших пыток,
И тысячам тех,
Кто задохнулся под сводами газовых камер,
Тем, чьи тела втихомолку в ночной темноте,
Наспех в рогожу зашив, палачи опускали
В черную реку...
О небо!
Ужель никогда
Здесь, где гестаповец Юкль истязал
беззащитных,
Не оживут вереницы безвинно убитых
И не прошествует
Скорбных фигур череда?

●

Терезин!
Застыв, пред холмами твоими стою.
Я узник минувшего:
В каждой священной пылинке
Здесь пепла частица...
Казненных нетленные лики
Мне чудятся в камне,
В колеблемой ветром былинке,
Их взор проникает
В смятенную душу мою.
Здесь храм безымянных героев...
Ясней и ясней
Я слышу, как шепчут пришедшим
шершавые плиты:
— Постойте в молчанье,
Живые потомки убитых.
Зажгите над павшими
Факел печали своей!
И люди уходят,
Чтоб снова сюда возвратиться;
Их слезы — как память
О том, что не может забыться.

●

...Владик Полянский, друг мой,
Однажды ночной порою
Мы говорили долго,
И, помнишь, в самом конце
Голос твой вдруг прервался —
Тонкая струйка крови
К нам потянулась из прошлого
Памятью об отце.
«Он до конца боролся
Против фашистской сволочи,
Я как сейчас его вижу
Сильным и молодым.
Как он любил эту землю,
Как улыбался солнечно...
Его убили нацисты
И замели следы.
Где его прах покоится,
Я до сих пор не ведаю,
Он бы пришел с победою,
Если б остался жив...»
Эти слова твои, Владик,
Нынче меня преследуют:
Может быть, и отец твой
Здесь под плитой лежит?..

●

Терезин!
Кулаками, в кровь разбитыми,
Стучу...
Неодолимая стена
Меж мертвыми, во рвах твоих зарытыми,
И нами навсегда возведена.
Но вижу я —
В глухой кромешной полночи
Белеют сотни лиц.
В провалах ртов
Беззвучен леденящий крик о помощи
За миг до казни.
Из глубоких рвов
К своим убийцам жертвы тянут руки,
Сведенные в невыносимой муке.
Я вижу их, Терезин!
Из реки,
Из-под земли,
Из-за стволов столетних
Идут мужчины, дети, старики
Вершить неотвратимый суд последний.
Надвинулись, как грозный вал прибоя,
Оживши для возмездия: тела
Истерзаны, глаза — как сгустки боли,
Сердец сожженных серая зола
В култышках пальцев,
Сломанные ребра,
Мозг из костей течет, как желтый гной...
Смотри, Терезин!
Вот он — страшный образ
Войны последней в памяти земной.

●

Терезин!
Это судный день истории.
Лохмотья легких опалив на вздохе,
Вопль непрощенья мертвые исторгнули,
Содрав бинты со свежих ран эпохи.
От боли корчась, вновь кровоточит
Людская плоть под пыткой нескончаемой.
Поляк ли,
Чех ли,
Русский ли кричит,—
Они кричат на языке отчаянья.
Бездушной мясорубке все равно,
Кто в ней умрет,
Где бились родники его —
В Софии, Будапеште или в Киеве —
Всех превращали
В крошево одно.

Здесь тысячи людей погребены
Из каждого сожженного отечества,
Здесь гибли человечества сыны
И становились болью человечества.
Здесь липы вырастали на крови,
И пенье птиц,
Что ныне в листьях слышится,—
Гимн общечеловеческой любви.
И кроны их знаменами колышутся:
Полотнищами их осенены
Борцы, в одном ряду вперед идущие,
На чьих плечах покоится грядущее
Без ненависти, крови и войны.
Когда Москва остановила вал
Фашистских орд,
Набат сопротивленья
В душе у миллионов зазвучал
И поднял их на смертное сраженье,
И люди в полный рост на танки шли
И, падая на вражеские доты,
Собою закрывая пулеметы,
Пробитыми сердцами мир спасли.
Страна Советов!
Миллионы лучших
Твоих сынов жестокий враг поверг,
Но гордо встал советский человек
Над свастикой разрубленной паучьей!
Он поднял мир из праха и огня,
И потянулись к солнечному небу
Победною весною зеленя
В полях, истосковавшихся по хлебу.

II

Терезин!
Побеги сегодняшних дней
Взрастают на почве, взрыхленной
минувшим,
И мудрость веков, облетевших над ней,
Подобна деревьям, корнями сомкнувшим
Грядущее с прошлым.
Та мудрость гласит:
— Забывший, что жизнь — это цепь
поколений,
Плутает, как путник близ спящих селений,
Не видя огня, что во мраке блестит.
Почти полстолетья земля отдыхает,
От гула железного мир не дрожит,
Но жадная свора опять посягает
На право священное —
Строить и жить.
Фашистским подонкам легко и привольно
В стране, где преступность лелеет закон,
В стране,
На глазах у которой Линкольна
Убили в упор, не таясь,
Где балкон
Окрасился кровью упавшего Кинга,
Где Кеннеди пулями насмерть сражен,—
В стране,
Где любой человек окружен
Жестокостью, словно канатами ринга.
Здесь слезы и пот превратят в миллионы,
Под маской законности спрятав лицо,
И тянутся щупальца из Вашингтона,
Чтоб стиснуть планету
Смертельным кольцом.
Чтоб выкачать недра чужие,
Чтоб выжать
Богатства земли, заключенные в них,
Чтоб смерчем гудящим напалмовым
выжечь
Стремленье к свободе в народах иных.

Латинской Америки тело разъято,
Обуглена Азия,
В Африке кровь...
Фашизм не добит,
И как некогда, вновь
По трупам детей маршируют солдаты.
В воронках от авиабомб, что ни день,
Мешаются с прахом надежды людей.
Но пылью от взрывов,
Тяжелой и душной,
Мечту не затмить в человеческих душах!

Фашизм возрожден:
На звериные тропы
Голодные стаи выходят опять.
Ощерясь ракетами в центре Европы,
Его недобитки о мести вопят.
Но люди не внемлют их волчьему вою,
И против нацеленных в небо ракет
Идут демонстранты
Волна за волною,
И гневно звучит непреклонное «Нет!».

●

Торговцы смертью знают что почем
И платят щедро
Тем, кто убивает.
Теперь свинцом, как некогда мечом
Они судьбой людской повелевают.
На новых инквизиторских кострах
Сгорают непокорные, как прежде,
И гибнет жизнь,
И рушатся во прах
Обугленными кровлями надежды.
Но вкрадчиво журча за океаном,
Дремотно убаюкивает ложь,
Эфир заполнен розовым туманом...
А между тем
Уже наточен нож,
Отмечены на карте мира страны.
Покуда сказки сладкие звучат,
Прием подчас надежный, хоть и древний —
Их самолеты, словно саранча,
Летят на беззащитные деревни.
Торговцы смертью платят не скупясь,
И вот из кожи лезут подпевалы:
Готовы обелить любую грязь
Газеты, книги, фильмы и журналы.
Торговцы смертью знают что почем,
Всему своя цена —
Свинцу и слову...
За золотою дудкой Крысолова
Продажный мир тащиться обречен.
Искусство, что посажено на цепь,
Подобострастно и хулит и славит...
Что мерзостнее — средства или цель,
Когда твоей страной убийцы правят?

III

Терезин!
С непокрытой головой
Стоит поэт, слагая песню скорби.
Сплелись твои обугленные корни
С истлевшими костями под землей.
Чьи имена хранит в себе зола
Освенцима, Майданека, Дахау?
Ведь вся Европа, ввергнутая в хаос,
Одним большим концлагерем была.
Я слышу,
Как звонят колокола,
Гудит набат во всех концах вселенной:
«Зверь не добит!
Он восстает из тлена
Вершить свои кровавые дела.
Опять во мгле багрового тумана
Горят костры, зажженные в ночи,
И узником Терезина кричит
Линчеванная жертва ку-клукс-клана.
Но если эту нечисть не сомнет
Гнев всех народов, вышедших на битву,
То вечное проклятие убитых
На ваше поколение падет.
В строю борцов десятки миллионов
Должны единство цели обрести,
Чтоб не позволить плесени зловонной
Цветущую планету опрести».

Терезин!
Беспросветность серых туч
Дарит надежду зреющим колосьям.
Здесь встретиться с тобою довелось мне,
И душу мне согрел твой щедрый луч.
Я расстаюсь с тобой,
Но ты во мне,
Ты грудь мою надеждою наполнил,
Хотя своей историей напомнил
Мне о родной поруганной стране.
У нас одна печаль:
Ведь шар земной
Един и рубежей не различает,—
Так боль, родившись в клеточке одной,
Все тело одинаково пронзает!

Перевел с арабского
Сергей ГОЛУБЕВ.

страницы минувшего

Я СЛАВЛЮ ВАС, ГЕРОИ!

В феврале 1944 года при форсировании реки Наровы был смертельно ранен командир взвода противотанковых ружей гвардии лейтенант Георгий Суворов. Погиб отважный воин, прошедший за годы войны путь от солдата до офицера, погиб, как писал Николай Тихонов, «многообещающий поэт, сумевший сказать только первое слово, рожденное в самом огне великого испытания...».

«Поразительной эпитафией ему, да и не только ему, а всем безвременно погибшим на фронте,— пишет Сергей Наровчатов,— послужило стихотворение, сложенное Суворовым за несколько дней до смерти:

Еще утрами черный дым
клубится
Над развороченным твоим
жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо
верим,
Что будет день,— мы выпьем
боль до дна.
Широкий мир нам вновь
раскроет двери,
С рассветом новым встанет
тишина.

Последний враг. Последний
меткий выстрел.
И первый проблеск утра,
как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как
быстро,
Как быстро наше время
протекло.

В воспоминаньях мы тужить
не будем,
Зачем туманить грустью
ясность дней.
Свой добрый век мы прожили
как люди
И для людей».

В городе Нарве в музее хранится полевая сумка Георгия Суворова. В ней — некоторые личные вещи поэта, тетрадки со стихами. Одна из тетрадей озаглавлена «Стихи в дополнение к сборнику «Слово солдата» — так называлась первая книга Суворова, над которой он работал до последнего дня и которая увидела свет уже после гибели автора. Самый большой цикл стихов из этой рукописи — «Моим друзьям» — открывается стихотворением «Еще утрами черный дым клубится...». Посвящено оно Михаилу Дудину, в воспоминаниях которого есть очень интересные строки об этих стихах и их авторе:

«Из-под Кингисеппа Суворов на денек заскочил в Ленинград, радостный и возбужденный наступлением. Вместе с ним мы в тот вечер пошли в филармонию на концерт М. В. Юдиной. Играла актриса прекрасно.

— Больше всех я завидую композиторам и музыкантам,— сказал Гоша.

— Почему?

— Их не надо переводить на другой язык. Они понятны всем без перевода.

Суворов задумался, порылся в полевой сумке.

— Хочешь, я тебе подарю?— вдруг сказал он и протянул мне вчетверо сложенный лист бумаги. Это была наша последняя встреча. Назавтра Суворов отправился под Нарву в свой взвод противотанковых ружей».

Суворов очень любил посвящать и дарить свои стихи.

Но стихи «Еще утрами черный дым клубится» не просто посвящены, они как бы обращены к Михаилу Дудину, они явственно перекликаются с его фронтовой лирикой, в частности со стихами «Соловьи», где есть и такие строки:

Пусть им навстречу солнце
зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.

Георгий Суворов.

Я славлю смерть во имя нашей
жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

По своему настроению, ритмической организации, образности эти два стихотворения поэтов-фронтовиков очень близки. Эта близость становится еще более очевидной, если сравнивать рукопись, хранящуюся в Нарвском музее, где стихи представлены в своей первоначальной редакции. Развивая мотив «с рассветом новым вставшей тишины», Георгий Суворов рисует картину будущей мирной жизни, непосредственно обращаясь к своему товарищу по оружию и поэтическому цеху:

И мы с тобою сразу позабудем,
Что очень много потерять
пришлось.
Захочется нам сразу жить как
людям,
Усталостью убив крутую злость.

Далее возникает очень характерная для всего творчества Георгия Суворова тема сибирского охотника, красавицы тайги, о которой поэт вспоминал в самые трудные дни войны:

Ты где-нибудь потонешь
в вешних зорях
И изойдешься песней вдалеке.
Я затеряюсь в темноперых
взгорьях
В приземистом лохматом
сосняке.

Ты будешь петь теченье жизни
полной,
Закатов тихих голубую медь.
Передо мною встанет, словно
полночь,
Как сон тайги, взъерошенный
медведь.

. . . .

Потом вперед. И где-нибудь
заметив
Мелькающее пламя кабарги,
Схвачу ружье... Багряный,
легкий ветер
Качнет густые облака тайги.

И я скажу: однако, был точнее.
Однако, раньше бил наверняка.
...Передо мною встанет вновь
траншея,
Затянутые тьмой зрачки врага.

Школьный учитель Георгий Суворов так и не вернулся в свою родную Хакасию.

Поэт похоронен на окраине города Сланцы Ленинградской области в братской могиле. К обелиску прикреплена мраморная доска с высеченными на ней словами:

Свой добрый век мы прожили
как люди
И для людей.

Эти стихи стали памятником поэту в буквальном смысле, а в широком значении они наравне с тысячами обелисков стали памятником всему фронтовому поколению, всем бойцам, павшим за Родину!

Юрий ПОЛЯКОВ

Федор АБРАМОВ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

СКОЛЬКО НА ПИНЕГЕ СКАЗОК

ТРАВА-МУРАВА

СКОЛЬКО НА ПИНЕГЕ СКАЗОК

Еще до войны, будучи студентом, записывал я сказки на своем Пинежье. Раз попалась старуха — день записываю, два записываю, три — все сказывает.

— Много ли еще, бабушка? — спрашиваю.

— А кто зна́. Не считала. Тут который год внучек заболел, фершалица приказала на улицу не пущать, дак я три недели сказками его удерживала. С утра до темени сказывала. Ну, всю-то себя не опорознила. Много ведь людей-то на Пинеге жило. Сколько их, сказок-то, за века насказывали.

ОТКУДА МЕДВЕДИ

— У нас в роду все охотники были — и тата, и брат Иван, и дедушко. А моды не было медвежатину исть. Шкуру только сымали. Нельзя, грех великий, из людской породы медведь-от. Шкуру-то когда сымут, как человек, лежит. Дедушко все, бывало, сказывал: ране худо, говорит, было жить людям. Били, тиранили, ремни из спины вырезали. Вот люди и перевертывались в медведей. Те, которые отвертывались обратно, те снова человеками стали. А один мужик с женкой перевернулись через ножи да ножи-то и потеряли. Медведи-то, говорят, от их зародились. Вот и ногти, и пальцы, как у человека, только голова собачья.

ПЛЯС С ЛАДОШКИ

— Хор Пятницкого... Ансамбль... Игорь Моисеев... А скакуны против бывалошного, вот что я тебе скажу, блохи на двух ногах. Могут они с ладошки девку в пляс пустить?

Как это с ладошки?

— А вот так. Соревнованье. Кто кого. Кто позаковыристей да поинтересней гвоздь забьет. Микша Ряхин забил.

Подзывает это Маньку Егора Павловича, та уж всяко в девки выходила, раз на гулянье пришла. «А ну-ко, Маня, встань-ко мне на ладонь (понятно, ладонь была подходяща) да сойди в пляс с ладошки».

Сошла. А ежели не веришь, поезжай к нам в деревню — она еще жива, Манька-то.

ПОПОВСКАЯ МЕСТЬ

Дед Натальи Юдовны как-то по пьянке крепко-накрепко поругался с попом, а затем еще и рукам волю дал: выбил у того рамы.

Поп не потащил соседа в суд, не наложил на него эпитимию. Но обиду затаил. И вот когда у деда родился сын — окрестил его Иудой.

Напрасно дед умолял, ползал в ногах у попа, напрасно предлагал ему всякие дары: поп был неумолим.

От отчаянья, от ужаса, что его ребенка будут звать самым презренным именем на земле, дед запил и вскоре умер, а сын его — Иуда — как только подрос, ушел из родных мест на шахты.

КОГДА СТАРИК СОЗОНТ СЛЫШИТ

— Созонт, дай трояк — опохмелиться надо.

— Чего?

— Трояк, говорю, дай, голову поправить.

— Не слышу. Совсем слух отлетел, парень.

Давай дак не жмись. Не задаром. Дрова на тракторе из лесу вывезу.

— Чего, чего — дрова? Дак, значит, тебе трояк надоть. Так бы и говорил сразу.

ОБЕДАМИ ВЗЯЛ

Валя С. — огонь девка. После культпросветшколы послали в Курью, где и клуб-то годами не открывался: не зря этих курьян топляками зовут.

А Валя и топляков раскочегарила: на смотре художественной самодеятельности района курьяне заняли первое место.

И вдруг вот эта самая Валя выходит замуж за Витьку В. Витька — парень непьющий и зарабатывает хорошо — тракторист, но все же против Вали мешок мешком. И потому пересудов по поводу этой свадьбы было немало.

Я тоже, как-то встретив мать Вали, завел шутливый разговор: дескать, колдун Витька, что ли, такую девку захомутал?

— Обедами взял, — сердито фыркнула Марина Михайловна. — Три года у ей кухарничал.

— Как кухарничал? Разве он тоже в Курье жил?

— С чего. На воскресенье да на субботу ездил. Три года ездил — и в дождь и в снег. «Поеду в Курью, хоть Валю накормлю». Знаешь, Валька днюет и ночует в клубе — не едала по-хорошему-то.

— Обедами, обедами взял, — убежденно сказала Марина Михайловна и махнула рукой. — А ладно, поживут, нет, сколько — не моя забота. Нонь не старое время, можно и в разные стороны.

СОРОКОВОЙ МЕДВЕДЬ

— Мой родитель — хороший промышленник, сорок медведей убил. Сорокового-то медведя трудно убивать. Тата пошел на сорокового-то медведя, с нами со всема распрощался. Товарища взял. «Ты, Микита, не трусь смотри. В чело (в дыру-ту эту сверху, в котору медведь дышит) будешь слегой пихать, а я стрелять».

Ну, убил тата медведя. Микита жердиной поднял, Арапко, пес у нас был, схватился драться, а тата и стрелил.

«Ладно, — радуется, — пронесло. Здря люди пугают. Сорокового-то я еще всех легче убил».

А не пронесло. Стал шкуру сымать, за ножом — из рук выпал — нагнулся, да тут и живот порешил: на нож упал. Вот он, сороковой-от медведь.

УМНЫЕ ЛЕЩИ

— Что у нас сегодня?

— Лещи жареные.

— Лещи! Ну дак мне голову. Поумнеть хочу.

— А разве лещи умные?

— Что ты! Умнее нас с тобой. Знаешь, как они сети проходят, когда на нерест идут? Хитрющая рыба! Вперед вышлют самых опытных, так сказать, разведчиков. Те к сети подошли, на бок легли, потом встали на ребро, веревку нижнюю у сети спиной подняли: пожалуйста, проходи, путь свободен. Ну, рыбаки и оста-

См. «Огонек» №№ 17, 18.

лись с приветом. Весь косяк беспрепятственно пройдет.

ШТУРМАН-ВЕСЕЛЬЧАК

Теплоход «Латвия». Первые дни круиза вокруг Европы. На верхней палубе возле молодого штурмана-здоровяка толпа туристов. Всех волнует одно: что их ждет впереди? Первый раз в море.

— Ну, это как повезет,— отвечает, улыбаясь, штурман.— Триста сорок судов ежегодно тонет.

— Триста сорок? Да откуда это известно?

— Известно. В Англии есть служба такая: все аварии, все катастрофы на море регистрируются.

— Ну, это, наверно, развалюхи какие-нибудь тонут, а у нас вон какой корабль! Новенький! По последнему слову техники.

— Ничего подобного!— возражает штурман и при этом весело скалит выпуклые зубы.— К примеру, волны-убийцы. Любое судно разламывают.

— Какие, какие волны? Убийцы?

— Ну. Все чинно, благородно, идет себе кораблик, ни о чем не думая,— вдруг шторм, две крутые волны — одна, скажем, под нос, другая — под корму, судно повисает в воздухе и бенц пополам. Мамы не успеешь выговорить, а не то что SOS подать.

Белый ужас на лицах путешественников. Наконец кто-то находится:

— Ничего, мы не в океане, а в Средиземном море. А Средиземное море, известно,— лужа.

— Ничего себе лужа,— опять весело скалит зубы штурман.— А знаете, сколько в Средиземном море кораблей тонет? То-то. И причем как тонет! Бесследно. Гребет, гребет это кораблик, отстукивает себе радиограммы — бенц и пропал. Вот какая это лужа.

Кто знает, сколько бы еще продолжалась эта утешительная беседа, но тут штурмана-весельчака позвали к капитану.

КАКОЙ БЫЛ НЮХ У ЧУПКА

Шумно, горласто за столом. Народ все собрался с охотничьим уклоном — собачники, ну и о чем перво-наперво разговор? О собаках. О том, чей пес да сука лучше.

Сперва еще стояли на земле, в меру загибали, а потом в раж вошли — всякие берега потеряли. Мой Лыско три дня и три ночи без роздыха куницу гнал, моя Векша — за рекой тетера летела — облаяла, мой Пират у живого медведя мусьво выгрыз...

— Да бросьте вы сопли-то распускать!— осадил хвастунов лежавший на печи старик Петряев.— Подумаешь, какая невидаль — собака зверя гонит да птицу чует. У нас Чупко, бывало, комара облаял.

— Комара?

— Комара. Пошли раз в лес с отцом — неурожайный год. Ходим, ходим, день ходим, два ходим — ни пера, ни ногтя. А вот что значит хороший пес — взлаял. Подошли к ели, большущая ель. Мы туда, мы сюда, туда посмотрим, сюда посмотрим, топором по стволу колотим. Нет никого. А Чупко лает, Чупко гремит. Тата еще раз поглядел снизу вверх. Поглядел — комар. На суку на нижнем сидит. Вот какой нюх у пса был! А вы: мой зверя гонит, мой на птицу лает...

НЕ ТА ФАМИЛИЯ

Идем с приятелем в Хорсу — это таежная речка — за рыбой. На дороге — следы.

— Это Васька Койда шел, вишь, его сапог-то, в аршин,— говорит приятель.

— Зачем шел?

— За тем же, за чем мы.

— За хариусом? Ну так мы зря и топаем — все обудит.

— Не обудит. Не та фамилия.

— ??

— Харьюс-то, прежде чем клюнуть, спрашивает,— смеется приятель,— как фамилия. «Койда». «Ну дак не клюну. Я только на фамилию Еремин откликаюсь». Понял?

ПОЧЕМУ РЯБ МАЛЕНЬКИЙ

— Это сейчас-то ряб маленький, исть нечего, а ране-то знаешь какой был? С корову. Да такой ересьливый, с таким норовом, что другим птицам житья не стало. И вот терпели-терпели птицы его тиранство да однажды и пожаловались богу: прими меры, сил больше нету.

Ну, бог видит такое дело, решил исправить свою работу. Решил от ряба всем птицам мяса отбавить. Отбавлял, отбавлял, глянул, а от ряба-то почти ничего не осталось. Ладно, говорит, хватит. Вот так ряб и стал меньше всех. Не веришь? А тогда откудова же рябово мясо, белое, у глухаря, у другой боровой птицы? У глухаря, к примеру, самое вкусное мясо под крестцом, под коровушкой, по нашему, белое. Так и зовем: рябово мясо.

КАК П. СТАЛ ПОЭТОМ

Стишки П. начал писать рано. В духе анархической вольницы, когда-то свившей свое гнездо на Лиговке. На вечеринках (клубов тогда не было) подзадоривали:

— Валяй, Мишка!

Но поэтом П. стал только в войну, когда его тяжело ранило и он на два года потерял зрение.

— Глаза ослепли, а мозг стал глазастей. Впервые стал думать, что к чему. И еще: всю жизнь свою увидел заново. Глаза не видят, а у меня такое зрение открылось, что каждая травинка на дворе меж булыжников ожила... Вот тогда-то я и написал стихотворение, про которое Тихонов сказал, что в нем птица поэзии отложила свое золотое яичко...

ОБИДА АВСТРИЯКОВ

Идиллические времена были в первую мировую войну.

В Закарпатье, рассказывал отец И. Э., они день-два повоюют с австрияками, даже в атаке штыковой сшибутся, а потом, как ни в чем не бывало, сходятся у речки шириной с комнатенку: на одном берегу они, русские, а на другом — австрияки. И тут уж ничего, решительно ничего не было от войны, а были просто люди, была просто жизнь: стирали белье, выколачивали вшей, обменивались хлебом, махоркой — благо у русских хлеба было вдоволь, а у австрияков опять с табачком было попроще.

Вообще австрийцы в значительной мере жили за счет русских: немцы-генералы, командовавшие русскими дивизиями, частенько делали так, чтобы русский скот, который пригоняли на фронт, попадал им в руки.

От австрийцев наши солдаты узнали о Февральской революции. Однажды австрияки прямо с обидой в голосе закричали со своего берега:

— Рус, зачем скинули нашего каптенармуса?

А ЭТО МЫ ЕЩЕ ПОГЛЯДИМ

— Чего, чего? Народ крупнее супротив прежнего пошел? Силираты — новая порода объявилась? Насчет силиратов не скажу, потому как у нас про таких вроде не слыхать. Все о двух ногах да о двух руках, как ранее. А насчет того, какой народ в старину был,— помолчим. Пашку-моряка помнишь? Не слыхал, как он за реку с невестой попадал? Ну как же! Подъехал к реке на паре — плот на другой стороне. Чего? Ждать, покуда пригонят? Так переплывем. В Цусиме не потонул, дак неужели в Пинеге утону!

И не утонул. Лошади всплыли, сам с невестой всплыл, тарантас на дно уволокло, а он в одной руке невесту держит, в другой вожжи, да орет на всю реку: «Врешь! В Цусиме глубже было!» И выплыли. Правда, женка после того два года у старух ладилась, а сам-то он, как с гуся вода. На берег вышел, только отряхнулся.

А про Ваню Маленького слыхал? Слыхал, как он пó сено ездил? Увидит, бывало, кобыла вспотела: «Ну-ко, Зорька, передохни маленько». Выпряжет, сзади воза привяжет, а сам в оглобли. И вот раз так-то впрягся, и вдруг хлоп дерево на его. Дерево не жердинка. Ветром сдуло али еще чего там. Дак что, ты думаешь, Ваня Маленький сделал? Перекрестился. «Слава богу, что на меня упало, а не на Зорьку. А то бы пропадать мне без лошади». Во какой лешак был. Маленький, ха-ха!

Хватит этих примеров, але еще раскручивать? Могу. И про то, как ране робили могу, и про то, как гуляли и умирали.

Артюга Хыш в Едоме жил. Это уж я не со слов, сам видел. Раз закатываюсь в эту самую Едому (я тогда в рекрутах гулял) — что такое? Лошади вскачь навстречу — в праздничной сбруе, с колокольцами, гармонь наяривает. А дело-то — пост великий. Похороны! Артюгу Хыша, старика тамошнего, на кладбище везут. Приказал: как помру, не плакать у меня, не горевать, а веселиться, вино пить. Вот сыновья и сполняли волю отца. Строгий был, даром что всю жизнь скоморошил.

— Так-то, такие вот в старину люди у нас жили, а что получится из этих — как ты их назвал — силираты? — это мы еще поглядим.

ПОБЕДИТЕЛИ

НАПИСАНО ДЕВЯТОГО МАЯ

Харьков. 9.V.45 г. 13.00 час.

Жорик! Наш дорогой сынок, наш честный воин!

С великим праздником Победы поздравляем тебя. Победа, Жора! Чудесная победа! Черная хмара развеяна. Враг разбит. На земле — у вас там на фронте, у нас здесь в тылу — первая тихая ночь, не шумят аэропланы, не гудит земля от артканонады. И вы, воины, первую ночь за долгие годы ложитесь по-домашнему спать. Трудно, Жора, писать от избытка счастья. Как-то не воспринимаешь полностью это великое событие, ибо такие дни и часы бывают один раз. В жизни они не повторятся! Пройдут года, но этого дня никто не забудет, ни ты на фронте, ни мы здесь, в Харькове.

Как мы встретили его, опишу подробней. Уже несколько дней носились всякого рода слухи о прекращении войны. Днем 8 мая зашел дядя Женя Карпенко, тетя Галя, дядя Сережа, тетя Шура, и каждый по-разному говорил об этих слухах. На Рыбном базаре взволнованно, с радостным лицом какой-то гражданин уверял, что «сегодня утром слышал собственными ушами радиопередачу о прекращении войны». И народ поверил. В магазин-гастроном, где стояла огромная толпа, вбежала тоже взволнованная гражданка: «Товарищи, война закончилась!» И толпа высыпала на улицу... Все это 8 мая утром и днем. Такие сцены повторялись в поездах, в трамваях. В 23.30 я прослушал «Последние известия» и утомленный заснул. Не знаю, сколько я спал. Сильный стук в окно разбудил меня и маму. Кто-то через окно радостным голосом кричал: «Вставайте, война закончилась!» От растерянности, от волнения и радости мама крутилась по комнате и спрашивала: «Так где ж мои валенки?» Наконец она их нашла и, накинув пальто, выбежала на улицу. А на улице — это было два часа ночи — это, Жора, на нашей тихой улице — шум, радостные возгласы, слезы радости... Нет войны... Ожила улица, ожило небо... Тысячи разноцветных ракет взмыли в небо. Послышались выстрелы. Это салютовали некоторые батареи, стреляли из винтовок воинские части и даже охранники из своих берданок.

А потом, кажется, часа в 4 ночи, знакомый голос диктора объявил акт о безоговорочной капитуляции. И тогда сомнений уже не было, а было светло и хорошо. И думал я про тебя... Жив ли? Переживаешь ли долгожданное счастье? Как себя чувствуешь? Как вы, фронтовики, переживаете этот день славы и Победы?

Ждем письма и тебя, наш ненаглядный и драгоценный, как говорит мама, сынок.

Твой татко.

Это письмо написал своему сыну Борис Матвеевич Пивовар, участник гражданской и Великой Отечественной войн.

Его сын, Георгий Борисович Пивовар, на войну ушел добровольцем семнадцати лет. Был механиком-водителем танка Т-34. В бою танк был подбит. Экипаж сгорел, а Георгий через передний люк выскочил горящим. Много месяцев по госпиталям. Выздоровел и направлен в артполк. Освобождал Крым, а потом был на Белорусском фронте. После войны окончил горный институт. Работает сейчас в проектном институте угольной промышленности.

Звание у Бориса Матвеевича — гвардии старший сержант, у сына — гвардии старшина.

«Ежегодно мы собираемся 9 мая у меня, — пишет Б. М. Пивовар, — читаем фронтовые письма. И снова — волнение и слезы радости не только у меня, старого солдата, и у сына-фронтовика, но и у всех членов моей теперь большой семьи. У меня двое сыновей, четверо взрослых внуков, правнук Сережа. Живем дружно и всегда отмечаем этот большой счастливый день 9 мая. Будем встречать и в этом году. Приезжайте, и каждый по нашему украинскому обычаю будет встречен хлебом и солью».

Харьков.

ПОКА ЖИВОЙ!

Родной брат моего отца Аканов Языкбай до войны работал главным редактором газеты «Коммуна», затем первым секретарем Ленинского райкома комсомола Ташаузской области Туркменской ССР.

В 1942 году добровольно ушел на фронт. От него получили много писем. Адресованы они моему отцу и матери — Шакпаку и Шокей, написаны на казахском языке. Письма эти мы храним как большую ценность, как память.

Языкбай любил Родину, семью и жизнь.

Н. ШАКПАКОВ

Алма-Ата.

21.03.45 г.

Здравствуйте, Шакпак и Шокей! Привет всем! Пишу уже с территории Германии. Берлин рядом. Бои идут ожесточенные. Каждый день смотрим смерти в глаза, а вообще смерти здесь перестали бояться. У нас один за всех и все за одного. Массовый героизм. Нас к Берлину никакая сила не задержит. Это уже точно!

Воевать очень трудно, за шесть дней я всего спал шесть часов, но ничего не поделаешь, надо закончить войну с победой!

Вчера спас от неминуемой смерти одного пятилетнего немецкого мальчика, который потерялся. Оказался он совсем голодным, пришлось мне накормить его своим фронтовым красноармейским пайком. Этот мальчик возле меня находился весь день, а потом я сдал его одной немецкой семье. Мальчик говорит: «Гитлер капут!»

Короче, победа близка!

Пока живой!

С глубоким уважением!

Аканов Языкбай

25 апреля 1945 г. Германия.

Здравствуйте, мои дорогие!

Пишу из Берлина. Рейхстаг под ногами. Фашисты бегут на запад. Они нам не хотят сдаваться в плен, а хотят союзникам. Ох, эти союзники! Во-первых, они второй фронт открыли с большим опозданием, а во-вторых, мне попали проклятые английские ботинки, которые постепенно сжимаются, отчего сильно болят ноги.

Вчера видел Рахимжана, который поднял красный флаг с окна второго этажа рейхстага, я бы тоже поднял, но я никак не мог найти красного материала. Но ничего, победа близка!

Пока живой.

С глубоким уважением

Аканов Языкбай

НЕ ПОМЕРКНЕТ НИКОГДА

9 мая 1945-го. Я помню, как бежали к школе, к сельсовету люди и кричали: «Мир! Мир!» Новое тогда для меня слово, незнакомое.

Своим черным крылом война накрыла и нашу семью. «Считать без вести пропавшим Трубникова Михаила Васильевича» — так было написано в извещении, которое получила наша мама Александра Харитоновна. В двадцать три года она осталась вдовой с двумя детьми. Мне шел тогда третий год, а брат родился в марте сорок второго, отец не успел даже его ни разу взять на руки. Мы жили тогда в селе Терновка под Балашовом в Саратовской области. Мама работала учительницей в сельской школе, помогала матери своей, у которой росло еще восемь детей! Мама была старшая. Отец ее — наш дедушка Руднев Харитон Архипович — погиб в Карелии.

Отец часто писал с фронта. Эти письма мы храним до сих пор. Вот одно из них.

26.4.42 года

Здравствуйте, Шурик, Анечка, Юрик и мама!!!

Передаю вам свой фронтовой привет и желаю вам крепкого здоровья. Шура, проезжали и проходили по освобожденным селам. Вот звери, что творят! Есть села абсолютно все сожжены, и матерям с детьми приходится жить в подвалах. Воспоминание от села остается — только лишь печки с трубами стоят. В каждом селе всё пограбили и много расстреляли и перевешали наших советских людей.

За наши села, города, за наших мирных жителей фашисты ответят! Шурик, будь всегда весела, энергична, обо мне не беспокойся. Уничтожим гадину, встретимся. Победа за нами. В этом из нас никто не сомневается, ибо русский народ никогда и никем не был побежден.

Работай честно, ваша работа в тылу есть помощь на фронте. Крепко, крепко целую. Твой Миша.

Мы с братом окончили вузы, работаем. У нас растут дети. Брат сына назвал в честь отца Мишей. Он родился в год 30-летия Победы. Живем хорошо. Был бы только мир на Земле да здоровье.

А. ТРУБНИКОВА (ЛИПАТОВА)

Куйбышев.

Б. Федоров. Род. 1922. СОЛДАТСКАЯ СЛАВА. 1980.

В. Жемерикин. Род. 1942. ВОЗВРАЩЕНИЕ. 1979.

А. Еремин. Род. 1919. СЕСТРА МАША. 1979—1980.

ДОМОЙ, С ПОБЕДОЙ!

Евдокия Михайловна Шевченко — ветеран Великой Отечественной войны, бывшая связистка. Пионеры часто приглашают ее в музей боевой славы, созданный в северодонецкой школе № 13. Ребята просят гостью рассказать об исторических майских днях 1945 года. Евдокии Михайловне есть что вспомнить.

В 1945 году девятнадцатилетний ефрейтор Дуся Шевченко была уже опытным бойцом — два года на фронте много значат. Принимала участие в боях за Харьков, Днепропетровск, Одессу. Сколько раз хрупкая девушка пробиралась под огнем гитлеровцев с тяжелой катушкой за спиной, чтобы ликвидировать разрывы на линиях. Иногда сутками не отходила от телефонного аппарата: у командира батальона должна быть надежная связь с ротами и полком. На фронте ее приняли в комсомол, а во время боев на Одере Евдокия Шевченко стала комсоргом батальона. Когда в одной из атак был убит командир взвода, комсорг взяла автомат и повела бойцов в бой. Медали «За оборону Одессы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», две «За отвагу» — свидетельства мужества и храбрости девушки, которая пошла на фронт добровольцем.

— И вот мы в Берлине. Даже не сразу поверилось, что фронтовые дороги уже позади,— вспоминает Евдокия Михайловна.— Вместе с другими бойцами восьмой гвардейской армии Первого Белорусского фронта стояла я возле рейхстага и глаз не могла отвести от красного флага над его куполом. Обнимались, от радости плакали, расписывались на стенах. Думала, как обо всем этом буду рассказывать дома...

— В книге Маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» есть фотография «Домой, с победой». Посмотрите на этих счастливых девушек в военной форме. Они везут мир,— обратился к школьникам учитель истории, руководитель музея С. М. Кацман.— Наверно, так радостно возвращалась домой и Евдокия Михайловна.

Книга пошла по рядам. Взяла ее и гостья. Присмотрелась... И вдруг удивленно всплеснула руками.

— Как же так вышло? Да это же я и Рая Пашкова! Как раз из Берлина едем.

— Вот эта, высокая — Рая, медсестра наша,— стала пояснять окружившим ее ученикам Евдокия Михайловна.— Как зовут другую девушку, не помню. Мы больше не встречались, хотя очень хотелось бы. А маленькая посредине — это я сама.

— Теперь мы и сами бы вас узнали! — подхватили ребята.— Вы почти не изменились.

1941 — 1945
ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Конечно, книгу тут же подарили Евдокии Михайловне. Фотография в книге Г. К. Жукова стала дорогой реликвией для начальника отдела кадров Северодонецкого деревообрабатывающего комбината, коммунистки Е. М. Шевченко. На ней — самый счастливый день ее молодости.

С. ПЕРЦОВСКИЙ

Северодонецк.

САЛЮТ НАД МОСКВОЙ

Это было удивительное утро — утро Победы 9 мая 1945 года. Его ждали, к нему готовились, и все-таки оно пришло неожиданно.

Полк наш в последние недели войны стоял в Западной Белоруссии. Каждый вечер сырой весенний воздух заполнялся надрывным ревом моторов. Самолеты, нагруженные бомбами, тяжело разбегались по щербатой «взлетке» и брали курс к местам последних боев.

Вечер 8 мая был обычным военным вечером. В боевом задании значилась бомбежка порта в Лиепае. Надо было не дать врагу выйти морем из окружения. Итак, на самолеты подвесили бомбы — кажется, «двухсотпятидесятки» и «сотки» — и стали ждать команды на взлет. Тянулись часы, а команды не было. Люди дремали — кто в самолетах, кто в моторных чехлах на стоянках, кто в каптерках. Светало.

Часов в шесть в землянку шумно ввалился техник Митька Жуйков, вездесущий кузбасский шахтер, и заорал:

— Победа! Победа! Кончай дрыхнуть!

Жуйков рванул из кобуры револьвер и выскочил наружу. Над землянкой загремели выстрелы.

Полк был уже на ногах. Он салютовал завоеванному миру. Стреляли из пистолетов, из карабинов, винтовок. Огненные разноцветные дуги ракет висели в воздухе. Бортовые пулеметы прошивали небо длинными строчками трасс. Восторженно лаяли в чистую синеву автоматические зенитки. По стоянкам бегал с дымящимся пистолетом штурман Петя Сельский и просил:

— Братцы, у кого есть лишняя обойма?

— Победа! Победа! — носилось всюду.

В этот день мне исполнилось 19 лет и 5 месяцев.

В радостном возбуждении не сразу вспомнили, что в самолетах все еще висят бомбы.

— Куда их теперь? — размышлял вслух Жуйков.

Часов в восемь по стоянкам разнеслась команда: «Отбой! Снять бомбы, приготовиться к полету в Москву на парад Победы!»

У меня сохранился бортжурнал самолета № 19 за этот день. Лист грубой бумаги машинописного формата. Твердым почерком Пети Сельского он испещрен цифрами и географическими названиями. Магнитный курс, компасный курс, пеленги, скорость, высота. Время взлета, время пролета над Смоленском, Вязьмой, Вереей. Посадка на подмосковном аэродроме в 12 часов 53 минуты. Внизу записано задание: «... перелет... для участия в параде Победы в Москве 9.5.45 г.». Подписи: командир экипажа старший лейтенант Битюцкий, штурман лейтенант Сельский.

Задание полку было сформулировано не совсем точно. Парад Победы в Москве состоялся 24 июня. А наш полк летел участвовать в салюте Победы.

Полк летел на восток. Это тоже было непривычным — лететь на задание не на запад. Я сидел рядом с Петей в наполненной солнцем кабине штурмана-бомбардира. В наушниках телефонов лились песни. Внизу проплывала истерзанная войной русская земля. Между Оршей и Смоленском поля были так изрыты воронками и изрезаны зигзагами окопов, что казалось, уже не смогут родить хлеб. Смоленск походил на огромное кладбище каменных остовов с черными глазницами окон. Ни одного целого дома!

И непривычно было видеть Москву целой и невредимой после примелькавшихся руин.

Салют Победы был поздно вечером. Перед ним прогремел салют в честь освобождения Праги. Московское небо было изрезано огненными лучами прожекторов. Лететь среди них было, честно говоря, нелегко. Они слепили глаза летчикам. В наушники доносились мерные команды:

— Залп!.. Залп!.. Залп!..

С земли гремели сотни орудий, экипажи самолетов над Садовым кольцом сверху били из ракетниц. Салют Победы над ликующей Москвой был роскошен!

Утром десятого в трамваях, троллейбусах, в вагонах метро москвичи узнавали нас, пропахших дымом войны. По рукам уже ходили свежие газеты с описаниями вчерашнего салюта. «Тысячи самолетов реяли над столицей»,— восторгались газетные полосы... Самолетов было сорок. Двадцать пять бомбардировщиков и пятнадцать транспортных машин. Хорошо, значит, поработали наши сорок экипажей!

П. ДУНАЕВ

Кузнецк.

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА!

9 мая 1945 года, задолго до подъема, дежурный по огневой позиции гвардии младший лейтенант Спиридон Коротицкий разбудил меня и вручил телефонограмму командира полка: к 10.00 построить в честь дня Победы батарею.

Решили объявить тревогу. Не прошло и полминуты, как батарея изготовилась к бою.

— Товарищи! Небо чистое, врага нет! Мы победили! — кричу. Троекратное артиллерийское «ура» было ответом. И началось: объятия, поцелуи, кое у кого и слезы.

Полк наш прошел «сквозь огонь и воду»: воевал от начала до конца на Малой земле; освобождал Крым, Севастополь, громил врага в Румынии, Венгрии, Чехословакии.

И вот 10 часов утра. Ярко светит солнце. Тянет утренний ветерок. Батарея построена, личный состав постарался: свежие подворотнички, начищены ордена и медали, пуговицы и пряжки. В торжественной позе и пушки: угол возвышения 45; стволы — на запад, заряжены, и в приемниках торчат обоймы боевых снарядов.

— Идут! — приглушенно докладывает дежурный.

Медленно из-под склона показывается колышущееся на ветру гвардейское знамя с дорогим образом Ильича. За знаменем торжественно идут гвардии полковник Дубовой со штабом.

— Батарея, под гвардейское знамя, смирно! — командую. Знамя проносят вдоль строя на правый фланг. Гвардии полковник Дубовой приветствует и поздравляет батарею с Победой. В ответ опять громогласнейшее «ура».

Дней через двадцать полк своим ходом начал движение на Родину. Шли через Венгрию, в основном через Карпаты. В войну мы и не замечали окружающей красоты. А тут все радовало: горы, зеленые леса, выскакивающие прямо на шоссе дикие козы. Всему радовались, а главное — возвращению с победой на Родину.

Долгий, затяжной подъем по невысокому хребту Карпат. Надсадно гудят моторы тягачей. И вот на самом верху видим слева от шоссе полосатый пограничный столб. За столбом — Родина! Слева невдалеке погранзастава. Красный флажок пограничника-регулировщика у шлагбаума — и колонна стала. Строимся для проверки у обочины дороги. И вдруг из строя уже пошел через дорогу старослужащий гвардии старший сержант Тепляков.

— Куда ты, Тепляков? — крикнул командир взвода. Тот не обернулся.

И вот вижу: Тепляков опустился на колени на траву, снял автомат и фуражку, положил рядом. И громко, глядя вдаль, сказал:

— Здравствуй, матушка Родина! Здравствуй, родная! Принимай своих сыновей-победителей! — И припал к земле губами.

Застыл строй батареи. Застыли и пограничники...

Много боевых эпизодов хранит память, и радостных и горьких, но пограничный столб и Тепляков на коленях на своей земле помнятся ярче всего.

Е. ДОЛГУШИН

Феодосия.

Публикацию подготовила Н. КРЫЛОВА

8 МАЯ — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГЕРМАНИИ ОТ ГИТЛЕРОВСКОГО ФАШИЗМА

МОСТЫ К ЮНОСТИ

Рут КРАФТ,
писательница (ГДР)

Есть у меня в газетах и журналах любимые страницы. Например, те, где печатают фотографии городов и местечек, иногда совсем крохотных, которых не найдешь на карте. Люблю открывать их маленькие тайны, узнавать традиции. Люблю эти снимки еще и потому, что часто нахожу здесь своих старых знакомых. Вот сюда я приезжала на читательскую конференцию, здесь выступала на митинге, а тут проходил книжный базар... В нашей любящей книгу республике у писателей много самых разных контактов с читателями. Есть такие контакты и у меня.

Недавно получила письмо из родного городка. Шестьдесят моих юных друзей приглашали на свой праздник совершеннолетия. Собственно, чтобы сказать им какие-то теплые слова, не обязательно быть писателем. Но ведь это моя родина, мой дом, где я редкий гость.

Знаете ли вы Эльбу? Конечно, что за вопрос, скажут мне, ведь это не только географическое понятие! На ее берегах, кроме Дрездена, Магдебурга и Гамбурга, множество других городов, городков, деревень. Одно из местечек — тут еще столетия назад существовала переправа — в старину называлось Торговы. Славянское слово превратилось в немецком в «Торгау», и под этим именем в XVII веке город вошел в историю. Армия прусского короля Фридриха II разбила здесь австрийские войска.

Но сегодня, весной 1981-го, мы вспоминаем другое. Мы вспоминаем апрель сорок пятого... 25 апреля части 58-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта вышли к Эльбе и под Торгау встретились с передовыми частями 5-го корпуса 1-й американской армии. Тот апрель, когда прозвучали залпы салюта над Красной площадью, не так уж далек, чтобы забыть о нем сегодня.

Торгау лежит в сердце Германии, на линии Коттбус — Галле — Лейпциг. Встреча на Эльбе расклинила немецко-фашистские войска. В тот же день Красная Армия взяла в кольцо Берлин, где сегодня в Трептов-парке стоит памятник советским солдатам, павшим в боях с германским фашизмом.

Из самого названия Торгау — Торговы — легко заключить, что город издавна привлекал людей. Его берега соединили мосты: один — железнодорожный, другой — для пешеходов и машин. Все это мы постигали на школьных уроках краеведения. Один день особенно ярко сохранился в моей памяти.

Это было где-то в начале тридцатых годов, без малого полвека назад. Солнечным, теплым утром преподаватели и ученики всех школ Торгау отправились в пойму Эльбы. Конечно, это было яркое, веселое зрелище: молодежь со всего города на зеленом прибрежном лугу, на строгом фоне старинного замка Хартенфельс. Нашей радости не было предела: уроки отменили! Нам предстояло стать свидетелями исторического события: на наших глазах должны были установить целый пролет моста — чудо техники по тем временам. Старую бетонную опору посредине за ненадобностью взорвали. Мы замерли, наблюдая, как медленно, бесконечно медленно «въезжал» новый мост в зияющий пролет между крайними опорами.

Это стройка века, говорили нам учителя, с нынешнего дня мосты уже будут не строиться, как раньше, а «въезжать» на опоры, как наш мост! Мне очень нравилось, что судам теперь не мешала бетонная глыба посреди реки, я гордилась: и другие города возьмут с нас пример!

Ах, как наивны мы были тогда! «Чудо века» прослужило городу чуть больше десяти лет. Его взорвали нацисты, это было одной из последних варварских акций гитлеровского вермахта. В апреле 1945-го мост заменила красноармейская понтонная переправа.

Я не знаю, когда его восстановили. Во всяком случае, это было в первые же послевоенные годы. Вот уже тридцать лет я прохожу по этому мосту, когда приезжаю на родину. Для меня он особый и останется таким навсегда.

Мосты соединяют. Но не всегда берега стремятся друг к другу. Есть в немецком языке выражение «поход к новым берегам». Вот такой поход, еще не зная, чем он закончится, предприняла я летом 1945-го. Я прошла через всю Германию. Повсюду, до самой бельгийской границы, меня преследовало эхо войны. Мне было двадцать пять, в рюкзаке лежала тетрадка стихов, мое единственное достояние. Одинокая, беспомощная, я хотела лишь одного: разыскать людей, которые знали и любили меня. На мостах, по которым я проходила, солдаты англо-американских оккупационных войск укрепили таблички, с помощью которых надеялись поднять дух немецкого населения: «Take it easy» — «Относитесь к этому легко» — звучало как насмешка.

И вот тогда я впервые поняла, как тесно связан каждый отдельный человек с тем, что происходит в мире. Школа не давала нам верного представления о нашей причастности к истории. Не я одна испытывала тогда беспомощность и опустошенность. Потерянное поколение — так назовут потом моих ровесников.

А тогда? Тогда мое поколение искало в себе силы. У каждого это происходило по-своему. Многое помогли понять книги, фильмы, документы. И оказалось, что руки, которые держали автомат и вели танк, могут строить дом, собирать трактор, сеять хлеб. Есть великая животворящая сила в чувстве сопричастности общему делу. Тот, кто не последовал этому чувству, по существу, сам лишил себя родины.

Я впервые узнала тогда, какое это счастье — быть нужной людям. Языком искусства открывать им правду мира. Такое право дает мне мой жизненный опыт. Вот о чем я расскажу моим юным землякам, чтобы помочь им верно выбрать свой путь. Но как именно расскажу, что приведу в пример? Я пойму это, как только вновь перейду мост своей юности.

В пятнадцати километрах южнее лежит Шильдау, провинциальный городок на самой границе округа. Его не без гордости называют «Гнайзенауштадт». Здесь родился фельдмаршал Гнайзенау. С каменного постамента на площади он смотрит на нас из прошлого. Я — это настоящее, мои ребята — будущее. О нем, о будущем, я и хочу с ними поговорить.

Я не стану строить воздушные замки. Нужна правда, трезвая правда со всем добрым и горьким, что еще встречается в жизни. Сохранить и умножить богатства, за века накопленные человечеством, — долг нынешнего и всех грядущих поколений. Его противоположность — разрушение. И я расскажу, как был разрушен тот мост.

Удивит ли сегодняшних 14-летних какой-то мост? «И что вы с ним носитесь?!» — наверно, подумают акселераты двадцатого века, привыкшие и не к таким чудесам техники.

Да, тысячу раз да, сказала бы я! Со всем пылом юности стремитесь в век двадцать первый. Стройте электронные аппараты, пересаживайте сердце, становитесь агрономами и биологами, учителями и исследователями, монтажниками и конструкторами. Но — когда год 2000-й все же настанет, как ему суждено, — помните об одном: все, что вы создадите, надо беречь, чтобы не случилось того же, что пережила я и ваши родители и символом чего я считаю мост под Торгау!

По нынешним военным доктринам взрывать мосты — устарелое занятие. Мосты должны остаться, погибнуть должны люди — вот о чем мечтают «ястребы» за океаном! Как будет выглядеть наша страна после взрыва нейтронной бомбы? Безлюдные цеха, школы, города. И мосты, по которым никто не пройдет...

Нет, я совсем не хочу внушить молодым пессимизм. Но речь идет об их будущем, и я не имею права молчать.

Хранить верность родине, дому — не значит видеть мир лишь с высоты старой кирхи своего городка. В крохотном провинциальном Шильдау внешне мало что изменилось. Но ребята, перед которыми мне еще предстоит выступать, учатся в современной политехнической школе. Она была первой новостройкой в округе после 1945 года и первым памятником рабочему вожаку Альфреду Хольцвайсигу (имя которого школа носит) — ровеснику Тельмана, борцу против нацизма, руководителю совета рабочих каменоломен Шильдау. Сразу после прихода Гитлера к власти его арестовали и бросили в концлагерь Лихтенбург, тоже на Эльбе. В 1935-м он умер от пыток. Что сказал бы вам в напутствие, мои юные друзья, этот человек, отдавший жизнь ради вашего будущего? Что скажу вам я?

Мир, в который вы вступаете, не готовое уютное гнездышко. Он ждет ваших рук, ваших талантов, его будущее зависит от вас. Не уклоняйтесь от самостоятельных решений.

Не бойтесь фантазировать.

Тот, кто видит лишь очевидное, не видит ничего.

Не пугайтесь противоречий. Пусть они служат вам для самосовершенствования.

Если кто-то от вас что-нибудь требует, это значит — он уважает вас.

Не думайте, что жизнь позволит брать больше, чем вы готовы отдать сами.

...Слова, слова! Но только ли слова? Педагогика, поэзия, информация — все опирается на слово. Выражая мысль и чувство, слово становится мостом — от человека к человеку, от поколения к поколению, от настоящего к будущему.

Берлин.

Внимание: подряд!

КАСАЕТСЯ ВСЕХ

После публикации в «Огоньке» бесед Героя Социалистического Труда В. П. Серикова о бригадном подряде (№№ 4 и 5 за 1981 год) в редакцию поступило много писем. Приводим некоторые из них.

РАБОЧИЙ УРОК

Прочел в «Огоньке» беседы Серикова, посмотрел недавно показанный Центральным телевидением фильм «Командировки Владислава Пахомовича», вспомнил первую киноленту, которую показывало телевидение года два назад — «Дело не в премии», и обрадовался за этого человека: остался верен бригадному подряду, стал организатором хозрасчета, не жалеет сил, ездит по всей стране. Охватывает чувство гордости, когда узнаешь имена других бригадиров, достойно представляющих рабочий класс.

Я получил хороший урок рабочей психологии. Понравилось, как Сериков с достоинством говорит о сложных взаимоотношениях в бригаде, говорит, где черное, где белое, называет суммы заработка, обычно все стараются уйти от такой конкретности.

С. КОРЕНЕВСКИЙ,
сантехник

Смоленск.

НУЖНО НОВОЕ «ПОЛОЖЕНИЕ»

Знакомясь с выступлениями В. Серикова и слушая телепередачи с его участием, обнаружил, к своему немалому удовлетворению, полное совпадение наших точек зрения,— имею в виду свои соображения, которые бы я послал в Госстрой СССР. Рамки существующего «Положения» о бригадном подряде стали оковами для него. Необходимо объединить усилия, чтобы коммунистические методы хозяйствования, инициатива «снизу» выросли до подлинно коммунистических производственных отношений вообще.

А. ЦЫБУЛЬСКИЙ,
инженер

Саяногорск, Красноярского края.

ШТУРМЫ, АВРАЛЫ...

Формально, ради галочки в отчете, наша бригада с 1976 года считается на подряде. А фактически? Посудите сами. Вот принимаем здание под отделку. Предстоит большая работа — это же школа на 1650 мест! Представители администрации и я подписываем акт. Условие: идти вслед за монтажниками. А как за ними идти? До нас только электрики побывали здесь. Начали снизу, а крыши еще нет. Вода не подведена, отопление не подключено, калориферы не работают. По второму, по третьему разу придется переделывать. Какая же будет тут экономия материалов и времени? Какое качество? Да и вообще — что это за подряд?

За все время по-настоящему хорошо, так что сами остались довольны, мы поработали на строительстве детского садика. И знаете, почему? Потому что у нас был один и тот же генподрядчик и нас не перебрасывали с места на место. Строила детсад бригада каменщиков Ивана Ичанского, а отделку вела только наша бригада. По-моему, только основная строительная бригада должна быть генподрядчиком. Сдали мы тот детский садик досрочно, по-настоящему, под ключ.

Но так было только один раз. А все время штурмы и авралы, заделывание «дыр» и «узких мест». Перед новым годом в тресте было собрание. Отчитывались по генподряду. «Подряд у нас только на бумаге получается,— сказала я.— Нас разрывали на части: дай сюда пять человек, дай туда семь маляров и штукатуров. И пошло»... Начинаешь возмущаться — успокаивают: «Ну ладно, ладно... Вот на том объекте по всем правилам дело пойдет!»... О заблаговременном планировании и говорить не приходится. Даже начальство этого не знает. Дошло до того, что ходишь и просишь: «Юрий Сидорович, а теперь куда?» «Подожди, куда тебе торопиться? У тебя и тут еще работа есть...»

Верно говорит Сериков: всех, кто имеет отношение к подряду, надо ставить на одну линейку по моральным и материальным стимулам, по КТУ!

Г. ЛИХАНОВА,
бригадир отделочников треста «Талдыкурганстрой», делегат XXVI съезда КПСС

ПОДРЯД БЕРЕТ ССО

Подводя итоги производственной практики студентов нашей кафедры, профилирующей по газоснабжению и вентиляции, мы пришли к выводу, что она мало дает практических конкретных знаний будущим инженерам. И тогда мы решили поставить опыт — заключить договор на подряд, на все слесарно-монтажные работы. У себя в Улан-Удэ их выполнят студенты в свои летние каникулы. Бригадирами будут старшекурсники, они должны перерассчитать проект или представить конкурентоспособный вариант,— это и будет их курсовая работа. На рабочие же места — ознакомительная практика — станут студенты второго курса. Обучить сварочным и другим монтажным работам их спокойно можно будет и зимой, вечерами.

Первый же опыт — а это были птичники бройлерной фабрики — удался. За лето мы пропустили несколько групп — целый стройотряд работал на подряде.

Следующим объектом были общежития нашего института. Недавно подрядились на несколько лет — выполним всю сантехнику на киномеханическом заводе. Генподрядчика при существующем дефиците рабочей силы это вполне устраивает, особенно в летнее время, когда рабочие уходят в отпуска. И нам удобно, студенты получают прекрасную практику, на производстве им не понадобится адаптация. Это будут уже готовые специалисты, горячие сторонники и знатоки бригадного подряда. Полагаю, что наш опыт могут взять на вооружение многие вузы страны.

В. ТЫХЕЕВ,
заведующий кафедрой Восточно-Сибирского технологического института

ПРОДОЛЖИТЬ РАЗГОВОР

В Череповце мурманский вариант бригадного подряда начал внедряться с 1978 года, когда сюда прибыл по командировке Минтяжстроя СССР В. П. Сериков для передачи своего опыта. Нам кажется, что журнал оказал бы хорошую помощь бригадирам и инженерам в решении некоторых проблем подряда, если бы продолжил начатый разговор за «круглым столом» редакции. В этой беседе могли бы принять участие бригадиры подрядных коллективов, руководители строительных организаций, министерств, центральных органов планирования и управления строительством, которые должны высказать конкретные предложения для решения неотложных проблем низового хозрасчета.

А. ГРЕКОВ,
бригадир укрупненной подрядной бригады «Череповецметаллургхимстроя», лауреат премии Совета Министров СССР,
В. ВАНЬКОВ, Р. ЛУЦ,
сотрудники городской газеты «Коммунист»

ЗАИНТЕРЕСОВАЛИ МАСТЕРКИ

В статье «Что мешает подряду» заинтересовали нас строительные мастерки. Каким образом можно узнать об этом инструменте поподробнее? Дело в том, что на нашем заводе получаются отходы рессорной полосы, из нее можно было бы наладить изготовление тех самых мастерков, которые так нужны строителям.

Ю. БАВЕНКО,
заместитель начальника планово-производственного отдела Минского рессорного завода

По получении этого письма при содействии В. П. Серикова из Мурманска в Минск в адрес завода были направлены чертежи мастерка. Далее события, как сообщил нам по телефону Ю. Бавенко, развивались так: оказалось, что мастерок, который монтажники изготовляют вручную, в массовом производстве сделать не так-то просто. Толщина отходов рессорной стали намного больше той, которая требуется для этого инструмента. Непросто сделать и ручку. Нужно специальное оборудование. В технологическом отделе ведется разработка всех этих вопросов.

ПОМОГИТЕ СПАСТИ СЫНА!

Из статьи «Подряд и его стимулы», опубликованной в журнале «Огонек», узнала о том, как вылечили от алкоголя в бригаде Серикова двух рабочих. Очень прошу вас сообщить мне адрес Н., председателя совета бригады, или Миши К., которые так успешно прошли курс лечения... А может быть, вы сможете мне сразу сообщить адрес и фамилию врача? Обращаюсь к вам как мать, сын просто гибнет. Помогите!

Р., Ташкент

ИЗ ОТВЕТА В. П. СЕРИКОВА ЧИТАТЕЛЬНИЦЕ Р.

Я думаю, что лечебные заведения по борьбе с алкоголизмом есть в каждой области, в крупных городах и, наверное, в таком, как Ташкент. Но положительный результат, как мне кажется, может быть достигнут при таком условии: лечение плюс коллектив. Коллектив должен позаботиться о вашем сыне, чтобы после прохождения курса лечения его ждали надежные товарищи, которые смогли бы оказать ему крепкую поддержку. Мы, например, тогда в Мурманске специально избрали Н. председателем совета бригады. Советую вам начать с хорошего рабочего коллектива. Главное все же — коллектив!

МОИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Я всегда с интересом слежу за информацией о развитии бригадного подряда и щекинского метода, сам с 1975 года воюю за хозрасчет, а сейчас вот добивался ввести щекинский метод на заводе железобетонных изделий № 4, но все тщетно. По-моему, иные руководители боятся хорошей организации труда, боятся инициативных рабочих, рабочих-хозяев.

На мой взгляд, тут надо ввести комплекс мер воздействия. Прежде всего следует закрепить эти прогрессивные формы хозяйствования законодательно и осуществлять строжайший контроль за их выполнением.

Что можно сделать практически? Дать возможность Владиславу Пахомовичу Серикову и И. Ф. Шупа-Дуброва подобрать помощников, обладающих таким же энтузиазмом и желанием распространять бригадный подряд, и наделить их определенными правами.

А заработную плату руководителей следует ставить в зависимость от выполнения работ по подряду. Вот мои предложения.

Ф. ПЕНЬКОВ,
бригадир СМУ № 6 треста «Сибакадемстрой»

Новосибирск.

Р. БОБРОВ,
заместитель министра
лесного хозяйства РСФСР,
кандидат сельскохозяйственных наук

ЛЕС И «ИНДУСТРИЯ ОТДЫХА»

Расширить защитное лесоразведение. Создавать новые, благоустраивать имеющиеся зеленые зоны в городах, поселках и вокруг них.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

В 1943 году, когда еще шла война, Советское правительство приняло решение о сохранении ценнейших лесных массивов. При этом из общего состава лесов были выделены так называемые леса 1-й группы. К ним были отнесены и древостои, расположенные вокруг городов и крупных населенных пунктов. Сейчас они окружают почти все города и поселки. Общая территория зеленых зон превышает у нас 14 миллионов гектаров.

Леса зеленых зон — это «легкие» городов. Каждый кубометр выращенной здесь древесной массы — это полтонны поглощенного углекислого газа и столько же высвобожденного кислорода. Кроны деревьев — своеобразный фильтр, очищающий воздух от пыли и вредных газов, а воду — от вредных примесей.

Так называемое антропогенное воздействие человека на природные леса особенно велико. Загазованность, запыленность, переуплотнение почвы — вот далеко не полный перечень тех бед, которые испытывают лесные рощи вблизи городов. Лесоводы стремятся смягчить эти беды путем подбора стойких древесных и кустарниковых пород, удобрением почвы и другими лесохозяйственными приемами.

Леса, расположенные вблизи городских окраин, наиболее удобны для отдыха, так как попасть в них всегда просто. Это зеленая зона города. Чем она гуще, тем чище в городе воздух. Но высокопродуктивные густые леса для прогулок не всегда привлекательны: некоторым отдыхающим нужны дороги, тропинки, места для стоянок автотранспорта и туристических привалов. Все это сопряжено с вырубкой. Однако, разреживая леса, приспосабливая их для отдыха, лесоводы снижают ценность насаждений. Вполне понятно в связи с этим стремление работников лесного хозяйства организовать полноценный отдых населения на возможно меньшей территории. Задача эта нелегкая, тем более что с развитием дорожной сети, увеличением транспортных средств горожане могут теперь попасть в самые отдаленные места. И тем не менее можно, не увеличивая резко площади лесов, предназначенных для отдыха населения, намного улучшить условия отдыха. Сделать это в первую очередь возможно за счет благоустройства лесных территорий. И такая работа в лесхозах начинает занимать все более значительное место. Если говорить коротко, то при благоустройстве лесов органически сочетаются традиционные приемы ведения лесного хозяйства, современные способы лесопаркового строительства и работы по бытовому обслуживанию людей, приезжающих на отдых.

В качестве примера можно привести проект подмосковного парка «Лосиноостровский». Он создается в северо-восточной части пригородной зоны Москвы на базе одного из семи лесопарков столицы. Территория Лосиного острова интересна тем, что здесь сохранились природные комплексы Подмосковья, имеющие к тому же интересную биографию. Здесь до сих пор можно встретить большинство представителей животного мира средней части русской равнины. А в прошлом леса Лосиного острова — это место основания Московского княжества. Историческое значение их огромно. В то же время есть перспектива использования парка и для туризма и для организации музеев.

Мосгорисполком утвердил предложения о принципах проектирования и планировочной структуре будущего природного парка. Они призваны обеспечить тщательную охрану природы и природных богатств лесного массива, максимально удовлетворить потребности отдыхающих — комфорт, эстетическое восприятие природы, спорт...

Проблем при организации лесных зон отдыха возникает множество. Но самая сложная из них, пожалуй, охрана лесов. Издавна принято считать, что бездорожье бережет лес. Чем больше дорог, тем больше здесь народу, тем больше вероятность всяких нарушений. Особенно страшны пожары. В считанные минуты огонь способен превратить полный жизни и волшебной красоты лес в кладбище обгорелых бревен. К тому же в пригородных лесах располагаются дома отдыха, пионерские лагеря, детские сады, здесь отдыхает население. Случись пожар, особенно верховой — и люди окажутся в опасности: ведь вал верхового огня движется по лесу со скоростью до 30 километров в час. От него не только уйти — убежать трудно. Да и куда бежать, когда вокруг дым! Разве только к ближайшему озеру или реке...

Охрана пригородных лесов — дело не простое. Казалось бы, тут обход лесников намного короче, их техническая оснащенность получше, и тем не менее на долю каждого работника лесной охраны в пригородах приходится почти по тысяче гектаров леса. В погожий день на этой площади собирается столько народа, что надежный контроль весьма затруднен. Хорошо, если рядом окажутся сознательные люди, знакомые с правилами поведения в лесу. Они сами их не нарушат и других в случае надобности остановят.

Но, бывает, попадают в лес граждане, которых общение с природой не облагораживает, а портит до неузнаваемости. Куда девалась их рассудительность и городская культура? Не задумываясь, они разведут в молодом сосняке костер и, не потушив его, уйдут; с удивительной бесцеремонностью обломают ветки и захламят территорию остатками своего пиршества... После приезда таких «гостей» работникам лесного хозяйства приходится немало потрудиться. Иногда минуют десятилетия, прежде чем на месте погибших деревьев поднимутся новые.

Мы далеки от мысли, что все виновники лесонарушений — злоумышленники. Чаще это люди, не понимающие тяжелых последствий своего поведения. Представьте, идет человек по лесу, задумался, бросил непотушенную спичку или окурок в сухой мох... Разгорелся пожар, и сгорел лес. Сколько таких «задумчивых» путников в лесу! Или путешествуют по маршруту туристы. Утомились. Устроились на ночлег. Наломали ребята ветвей для постели, колышков для палаток заготовили, дровишек для костра нарубили. Велика ли их вина? Но таких групп ежегодно уходят в поход сотни тысяч, и каждая делает по несколько привалов. На привал расходуется в среднем кубический метр древесины.

Теперь подведем итог и подумаем о перспективе лесов, где путешествуют туристы. Нет ничего удивительного в том, что многие, самые привлекательные места отдыха уже сейчас начинают терять свою былую прелесть.

Большинство людей любят лес. Но... Полюбопытствуйте у отдыхающего, возвращающегося из леса с охапкой черничных кустиков, усыпанных спелыми ягодами: сколько пройдет лет, прежде чем вырастут новые растения? Как правило, человек, услыхав, что для этого потребуется не менее десяти лет, искренне удивится и огорчится за свой поступок.

Иногда лесоводам приходится прибегать к строгим мерам в отношении недисциплинированных граждан. В отдельных случаях, когда опасность пожара в разгар жаркого лета особо реальна, приходится с разрешения местных Советов народных депутатов запрещать доступ населения в лес. Мера эта чрезвычайная — ведь при этом людей лишают полноценного отдыха. Каждый знает, каково маяться в выходные дни в душном городе! И тем не менее прибегать иногда к запретам приходится. Если же сухая и жаркая погода затянулась, то для коллективного отдыха лесхозы отводят участки у лесных озер, на берегах рек.

В особо опасные в пожарном отношении месяцы приходится прибегать к пропускной системе. Желающие попасть в лес должны зайти в лесничество и получить там письменное на то разрешение. При этом они знакомятся с правилами поведения в лесах и, поставив свою подпись на пропуске, фактически дают обязательство отвечать за безопасность леса в месте своего путешествия. Такие пропуска косвенно как бы увеличивают число охранников лесов, а это значит, подобные меры следует поощрять.

Нужно затратить немало сил и денежных средств, чтобы люди могли отдыхать в пригородном лесу. Требуется активная помощь местных предприятий. Чтобы стимулировать их материальные вложения, во многих областях местные Советы народных депутатов поощряют закрепление лесных территорий за городскими районами и отдельными предприятиями на правах аренды. Срок ее — от года до десяти лет. Для лесхозов, конечно, удобнее иметь дело с постоянными арендаторами.

Вот почему в некоторых случаях лесные участки закрепляются за городскими предприятиями в порядке шефства. Такой порядок принят, например, исполкомом Моссовета. Вся эта работа возложена на Междуведомственную комиссию по контролю за правильностью использования мест массового загородного отдыха трудящихся. В комиссию, которую возглавляет главный архитектор лесопаркового защитного пояса, входят представители управления лесопаркового хозяйства города, городской санитарно-эпидемиологической станции, управления водонапорного канализационного хозяйства, бассейновой инспекции, речного пароходства, управления канала имени Москвы и архитектурного планировочного управления.

Комиссия рассматривает просьбы предприятий на закрепление за ними того или иного участка в пригороде Москвы. Сначала предприятие получает возможность построить кухню с навесом, подвести к участку электролинию и подъездные пути. Арендаторы берут на себя ответственность за охрану леса от порубок и пожаров, обязуются беречь зверей и птиц от браконьеров, очищать лес от мусора. Как правило, на арендуемых территориях разрешается строить только временные сооружения.

На наш взгляд, такой порядок в Подмосковье вполне себя оправдывает. Удачно решаются подобные вопросы и в Челябинской области. Здесь вокруг крупных городов — Магнитогорска, Миасса, Златоуста и других — силами местных организаций создаются благоустроенные зоны отдыха. Областной совет по туризму принял на себя обязательства

оборудовать в лесах тысячу мест отдыха, и это решение успешно выполняется. В Новосибирской области утверждены временные правила, согласно которым за городскими предприятиями закреплены наиболее ценные лесные массивы.

Но есть у такой «арендной системы» и свои минусы. Нередко предприятия, благоустроив территорию, не терпят вторжения «посторонних» в их временные владения. Моральный урон от такого новоявленного барства очевиден. Ведь лес — это достояние всенародное. Мы ратуем за то, чтобы каждый волен отдыхать там и так, как ему нравится. Многие не хотят сидеть весь день на одном месте, и ограничивать без всяких на то причин их свободное передвижение в лесу недопустимо.

Закрепляя зеленые зоны за предприятиями, необходимо оставлять свободные территории, такие, которые наиболее удобны для отдыха.

Хорошо организовано дело в национальных парках Эстонии и Латвии. Дирекции парков там стали основными организаторами благоустройства мест отдыха. Они зорко охраняют «свои» зоны, но при этом леса, на территории которых находятся парки, по-прежнему остаются в ведении лесхозов и лесничеств и лишь частично передаются под опеку национальных парков. Дирекции парков за счет своих средств восстанавливают здания и сооружения, представляющие ценность с точки зрения архитектуры. В дальнейшем эти помещения используются для устройства музеев, гостиниц, баров, ресторанов и т. д.

Все шире распространяется еще одна форма помощи лесу — руками самих же отдыхающих. Речь идет об отпускниках, которым пассивный отдых не доставляет радости. Они с удовольствием проводят несколько недель в лесу, купаясь в тихих озерах и речках, собирая ягоды, грибы, и в то же время вместо физкультурной разминки несколько часов в день трудятся, ухаживая за лесом. Кстати, эта работа очень неплохо оплачивается. Из такого отпуска люди возвращаются отдохнувшими, заметно окрепшими, со связками сушеных грибов и деньгами на обновку. В Оханском лесхозе Пермской области, где начали использовать этот метод привлечения сезонников, прошлым летом работало более ста горожан из Москвы, Перми, Закарпатья и других мест. Лесхоз руками сезонников привел в порядок 728 гектаров леса, расчистил три километра просек, заготовил на проходных рубках почти три тысячи кубометров древесины. Многие из «рабочих — отдыхающих» приезжают в этот лесхоз уже не первый год, другие собираются провести здесь отпуск и нынешним летом...

Разумеется, таких рабочих надо встречать как желанных гостей: расставить палатки, подвезти спецодежду и продукты питания, позаботиться о билетах на обратный путь. Ни в коем случае нельзя отпускников «давить» планом, как показал опыт, в этом случае наиболее приемлемая форма — бригадный и личный подряд.

Туризм — один из самых популярных видов отдыха. Трудно найти ведомство, с которым туристы были бы так тесно связаны, как с лесным. Там, где есть лес, его обязательно пересекают туристские трассы. Это хорошо. Но, увы, это порой приносит и немало бед нашему зеленому другу. Если меры по упорядочению туризма незамедлительно не будут приняты, лесоводы потеряют в скором времени лучшие свои массивы, а туристы — самые привлекательные места отдыха. А так ли уж сложно оборудовать туристские стоянки, укрытия, оформить их плакатами, указателями!

Сотрудничество лесхозов и туристских организаций налаживается, его необходимо развивать и продолжать. Например, хозяйства могли бы давать туристам в аренду лодки, байдарки, яхты, катера, водные лыжи и другое снаряжение, которое сейчас им приходится тащить с собой из городов. С другой стороны, роль туристов в лесу не должна ограничиваться пассивной пожарной или санитарной охраной. Кстати, замечу, что без туристских организаций лесхозам многих областей было бы нелегко сохранить лес от пожаров. Турбазы Владимирской области, например, в жаркие летние дни направляют на помощь в соседние лесхозы до двухсот человек. Но контакты туристов и лесоводов не должны этим ограничиваться.

Туристы — первые помощники лесхозов при благоустройстве лесов. Турбаза «Нальчик» за один год построила 64 лесных привала. Туристами Ставропольского края ухожен лес в «Долине Нарзанов» и Приэльбрусье. Многие туристские организации проводят совместно с лесхозами специальные конкурсы на лучшее благоустройство лесов, прокладку лесных троп...

Лес в «индустрии отдыха» занимает одно из главных мест. Но безудержно пользоваться его щедротами, как раньше, ныне уже нельзя — лес не вечен!

9 МАЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК НАРОДОВ ЧЕХОСЛОВАКИИ

ВЕСНА НАД ВЛТАВОЙ

Память людей жива и благодарна. Каждый год в этот день республика воздает почести тем, кто, отстояв Родину, освободив пол-Европы, заплатил своей жизнью за мир, счастье, свободу Чехословакии. Взрослые, дети, старики низко склоняют свои головы над спящими героями, произносят идущие от сердца слова признательности, уважения и любви.

Вождь чехословацкого рабочего класса и Коммунистической партии Чехословакии Клемент Готвальд так оценивал значение славной даты: «9 мая — действительно великий, более того — самый большой наш национальный праздник. В этот день 1945 года навсегда было покончено с жестокой гитлеровской оккупацией. Этот день является одновременно и исторической вехой, когда чешский и словацкий народы начинают новую, самую светлую эру своей истории, эру подлинной национальной свободы и независимости, эру власти народа и свободного труда народных масс, эру строительства социализма». Годы, истекшие после войны, подтверждают глубокую справедливость этих слов. За это время произошли радикальные изменения в положении трудящегося человека на чехословацкой земле. В республике построено социалистическое общество и начато строительство развитого социализма.

И первое слово признания тут, бесспорно, принадлежит коммунистам. Совсем скоро, 14 мая нынешнего года, республика отметит 60-летие КПЧ. «Ваша партия,— отмечал в своей речи на XVI съезде КПЧ глава делегации КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев,— приходит к своему юбилею как боевая и зрелая общественная сила, накопившая большой и ценный опыт политической борьбы, руководства обществом. Этот опыт — залог успешного социалистического строительства в самой Чехословакии. Он имеет также немалое значение для других партий, для международного коммунистического движения в целом».

Перелистывая страницы прошлого, находишь бесчисленные доказательства героической, самоотверженной борьбы коммунистов за победу и укрепление нового строя в чехословацком государстве. Года два назад газета «Руде право» рассказала о ветеранах социалистического села. Среди них был один из первых председателей сельскохозяйственных кооперативов в северной Чехии, Алоис Грунт. Позже мне довелось лично познакомиться с этим человеком.

Он полностью оправдывает свою фамилию: основательный, я бы сказал, фундаментальный, постоянно в делах, требовательный к себе и другим, любящий все проверить «на ощупь». Наверное, именно эти свойства характера и определили в начале пятидесятых годов выбор односельчан, решивших, что он будет председателем их кооператива.

Хозяйство вставало на ноги трудно. Люди к дисциплине еще не привыкли. Домашний клочок земли предпочитали общественным полям. И хотя председатель требовал самых элементарных и необходимых вещей — порядка, работы, многие, даже бывшие союзники и друзья постепенно оставляли его. Нечего и говорить, как радовались этому откровенные противники кооперации — кулаки и их подпевалы.

Как-то Алоис Грунт после работы не вернулся домой. Его отыскали лишь утром на отдаленном поле в луже крови, с разбитой головой. Несколько месяцев председатель провел в больнице. За это время жители села поняли, что значит для них коммунист Грунт, его принципы, его совесть. Просчитались враги — их покушение на деревенского вожака не испугало, а сплотило людей. Когда Алоис вернулся домой, большинство односельчан вновь и уже на многие годы встали с ним плечо к плечу!

Сегодня этот кооператив один из самых крепких в республике. Завидные урожаи. Животноводческие рекорды. Чуть не каждый второй человек награжден орденами и медалями. Сам Алоис Грунт недавно вышел на пенсию. Но у него отличная смена: как-никак, в хозяйстве около тридцати специалистов с высшим и средним образованием.

В ту пору, когда чешский и словацкий крестьянин пересаживался с единоличной лошадки на кооперативный трактор, многие противники кооперации твердили, что рабочий человек да и вся страна дорого заплатят за это. Мол, на обобществленной земле никогда не добиться таких результатов, какие способен получить работник, заботящийся только о себе. Время опровергло эти прогнозы. За три десятилетия существования кооперативов производство сельскохозяйственной продукции в республике увеличилось более чем вдвое. А между тем сейчас на селе трудятся не три миллиона человек, как раньше, а всего девятьсот тысяч!

Кое-кто за рубежами ЧССР в эти дни посвоему итожит прожитое. Западные радиостанции, издания эмигрантских центров пытаются поставить под сомнение успехи социалистической Чехословакии. Знакомые песни! Когда двенадцать лет назад чехословацким коммунистам удалось найти выход из кризиса и к руководству партии пришли верные ленинцы во главе с товарищем Густавом Гусаком, враги ЧССР пророчили ей «хозяйственный кризис» и «международную изоляцию».

Эти пророчества не сбылись. Социализм победил. Недавно исполнилось десять лет с момента опубликования исторического партийного документа — «Уроков кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ». Свою актуальность он сохранил по сей день, призывая к постоянной политической зоркости и дальновидности, этот документ служит верным ориентиром в повседневной практической и теоретической работе партии, в ее международной деятельности.

Во многих выступлениях на XVI съезде КПЧ отмечалось, что краеугольным камнем этой деятельности, всей чехословацкой внешней и внутренней политики является развитие и углубление союза и сотрудничества, братских отношений ЧССР с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества. За этими словами сама правда жизни.

...В городе над Влтавой буйствует весна. Мирное небо и мирная земля щедро наделяют людей счастьем и свободой, красотой, поэзией, плодами труда.

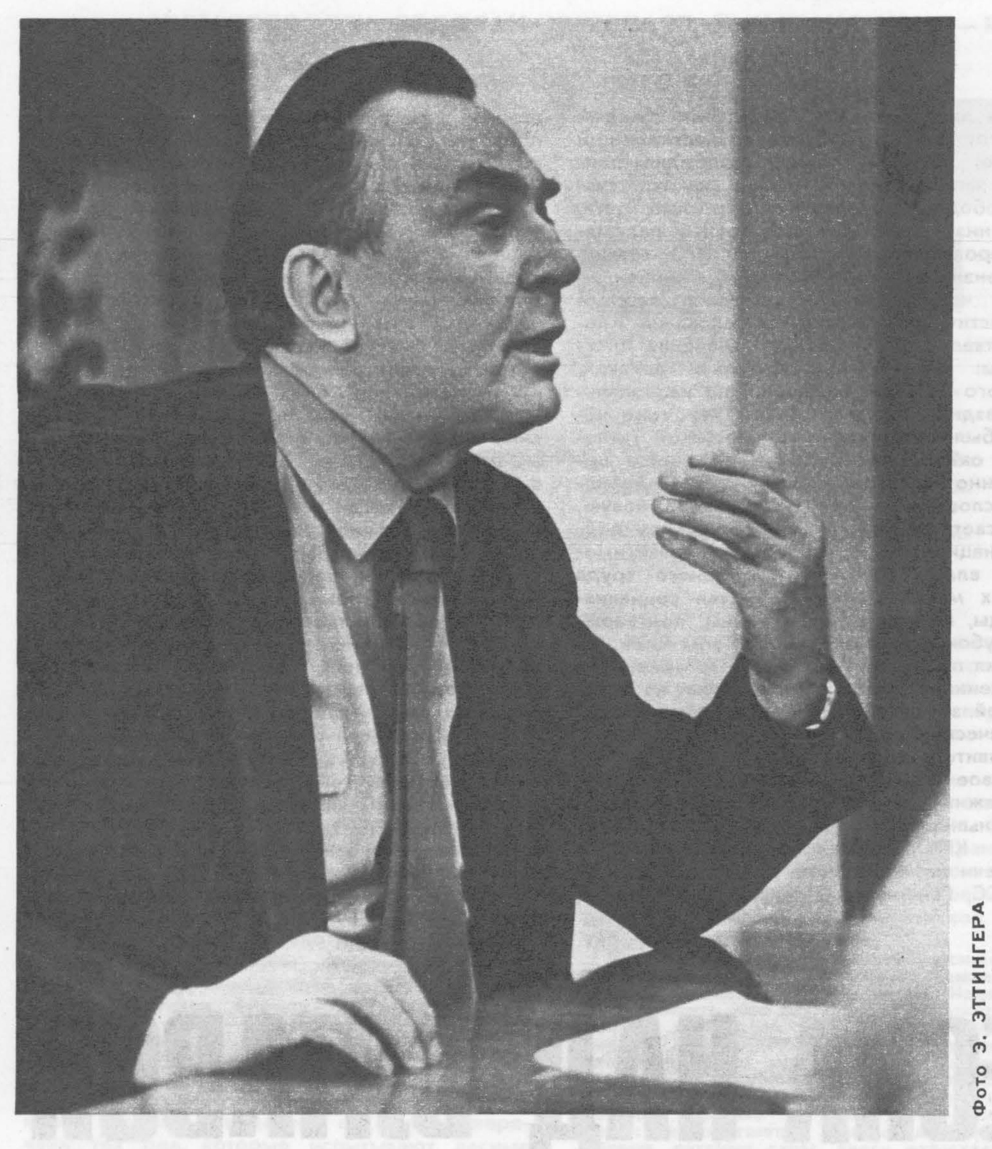
Люди Чехословакии, страны, лежащей в самом сердце Европы, высоко ценят эту возможность работать и мечтать, строить будущее, растить детей. Они знают, почему так хорош сегодняшний день, почему так крепка их уверенность в дне завтрашнем. Они помнят всех, кто помог им обрести и сберечь это счастье!

Г. УСТИНОВ

Прага.

ВОСТОРГ И БОЛЬ СОЗ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Народный артист СССР Евгений МАТВЕЕВ

Актеру, наверное, всегда нелегко «давать интервью»...

Может быть, ему даже труднее говорить о себе, чем человеку любой другой профессии... Хотя, казалось бы, актер ведь всегда на людях. Мало того, он открыт перед ними со всех сторон и всегда исповедуется в чем-то сокровенном... Вроде бы сама работа актерская требует этой исповедальности, откровенности, а значит, должна уже образоваться и какая-то привычка у актера, какое-то умение, навык — говорить спроста о самом заветном, раскрывать свое, сокровенное... У меня это, признаюсь, не очень получается. Все свое, личное,— все то, о чем думаю, к чему стремлюсь, что вынашиваю именно как актер в самой глубине души,— привык накапливать «молча»: про себя, постепенно создавая, осмысливая образ, подготавливая ту встречу с очередным своим героем, который — если уж я решил им «стать» — никогда не оставляет меня пустым, безразличным, равнодушным к нему...

Перевоплощение — это не просто термин. Слишком часто, а то и вовсе зря, не по назначению, не по адресу употребляется порою театральной и кинокритикой это слово. Обозначает же оно один из самых сложных душевных процессов: тончайшую, сотканную из эмоций работу, необходимую творчеству... Причем работа актера кино, вся деятельность актера именно в кино требуют этого творческого перевоплощения более настойчиво, более круто, строго, чем даже театр, уж не говоря об эстраде...

Сегодня к актерской работе да и ко всему вообще «цеху» искусства печать проявляет, я бы сказал, заметно повышенный интерес. Причины здесь понятны и закономерны. Интерес этот продиктован и вызван могучими созидательными импульсами XXVI съезда партии, который определил реальную необходимость дальнейших свершений — этой новой приливной волны во всей жизни народа, в том числе, разумеется, и в жизни духовной, жизни творческой... И если высокий долг нашей советской науки перед народом образно назван был на XXVI съезде КПСС долгом возмутителя спокойствия, то разве не касается он, этот долг, впрямую — и в той же самой мере! — каждого из работников искусств?!

Думаю, что наша роль здесь ничуть не менее ответственна, ничуть не менее значительна и серьезна... Больше того, думаю, что эпохе НТР грозит — вне искусства подлинного — возможность очерствения человеческой души, утраты той чуткости, сердечности, тех незримых, внутренних драгоценных связей, которые именно и укрепляют, цементируют наше общество, объединяют людей, строящих коммунизм...

Эти незримые душевные связи рождаются искусством настоящим. Большим. Высоким. Во всяком случае, это его прямая — и даже единственная, на мой-то взгляд,— задача! Развлечение, забава, препровождение времени немыслимы в искусстве, хотя оно, что греха таить, допускает это... Я же считаю, что искусство — дело святое. Такой мне представляется и собственная моя работа и работа моих товарищей по нашему «цеху».

Я актер кино. Теперь еще и кинорежиссер... Это как будто вещи разные; но в то же время очень тесно они между собою связаны! Если актер и режиссер не «смыкаются», не взаимодействуют, явления искусства не возникает. Просто не может возникнуть. Но и это еще не искусство, если отсутствует в кинозале контакт со зрителем!.. Контакт этот, думаю, еще более необходим экрану, чем заведомо живой сцене театра, где публика слышит дыхание актера, ощущает человеческую, плотскую, неподдельную сущность героя. Воспринимает непосредственно — въявь, почти ощутимо — боль и восторг актера, создающего образ героя...

Но ведь эта же самая боль, этот же восторг созидания только и делают кинематограф искусством. Настоящим, большим искусством, необходимым людям как хлеб, как воздух. Я, во всяком случае, всю свою работу в кино — если она заслуживает хоть какого-то зрительского признания — выстраиваю на заострении эмоций. На тех душевных озарениях, на тех беспощадных для меня самого порою «толчках» сердца, которые как бы действительно превращают меня в героя: переносят в его бытие, сообщая теперь уже и мне самому, всей моей физической и психологической сути, необходимое герою состояние истинной правды его жизни, его переживаний, его радостей и горя.

Причем очень важно, что постигнутая тобою, актером, сама эта истина теперь как бы уже независимо от тебя самого движет тобою! Толкает тебя на те самые поступки, переживания, свершения, которые отныне уже принадлежат тебе. Принадлежат, быть может, больше, чем тому герою, ранее совсем чужому, неведомому человеку. Теперь ты живешь, может быть, острее, чем он...

Такова, мне кажется, одна из самых заветных тайн, без которых актер невозможен и на которых зиждется самое актерское существование — вся его жизнь в искусстве. Знаю, что это сегодня не есть закон, общий для всех, кто играет на сцене или снимается в кино. Есть довольно «престижная» профессия: актер. И еще есть актерское призвание... К сожалению, они не всегда совпадают. Бывает и так, что излишняя профессиональная «ретивость» постепенно притупляет призвание. Истощает духовную суть призвания, а затем и вовсе затаптывает его.

Порою молодой актер приходит в искусство, еще не имея за душой не только подлинно нажитого, серьезного жизненного опыта, а имея лишь ту, часто весьма условную «пригодность», которую подтверждает диплом, казенная бумага, полученная в училище... Сколько же у этого актера будет впереди огорчений, неудач, внутренней ломки... И хорошо, если ломка эта уничтожит верхоглядство, самонадеянность, расчет на внешние данные и на такую же внешнюю «технику»... Все это тощий, убогий багаж... С ним не проживешь, если не случится вдруг это желанное, постигнутое вдруг чудо истинного внутреннего перерождения — чудо глубокого ощущения той, не твоей жизни, которая наконец стала т в о е й...

Мое собственное становление шло нелегко и непросто. Но, может быть, как раз потому, что и самая жизнь моя — с момента рождения — была непростой и нелегкой, мне выпала счастливая доля актера, пользующегося признанием. Прошу: не сочтите мои слова бахвальством или дерзкой самонадеянностью. Опираюсь только на зрительскую почту — те сотни и тысячи писем, которые получаю после сыгранной роли, поставленного фильма,— за правду жизни героя, если мне удалось принести ее на экран, а значит, вдруг оживить это неживое полотно, одухотворить его, заставить его рождать ответные человеческие чувства.

Для меня это — святое.

Когда-то я только мечтал о том, что вдруг сумею стать актером. Я, конечно, не знал никакой теории, тех основ воплощения духа

человеческой жизни, которые сами по себе артистом никого сделать не могут, но без которых даже и прирожденный артист тоже мало чего стоит... Мечту об артистической карьере лелеют многие. Молодежь, парни и девушки, наделенные приятной внешностью, готовы на все ради этой «карьеры»... Своим же ученикам во ВГИКе я советую самое слово «карьера» забыть навсегда. Ведь даже его точный смысл: успешное продвижение вперед — должен претить артисту истинному! Артистом делает, мне кажется, прежде всего способность сострадать, сочувствовать, сопереживать... Артист немыслим вне искреннего отклика на чужую боль, как на свою собственную...

Я к такой боли, к такому отклику на боль привык с самого детства. С той поры, как помню себя. Мои мать с отцом были невенчаны: самое появление мое на свет не было освящено церковью... Люди взрослые могут представить себе, каково жилось и матери и ребенку, особенно в деревне с ее незыблемыми патриархальными устоями... Горькие слезы матери, постоянное ощущение непоправимой беды, терзавшее детскую, ни в чем неповинную душу,— вот такими были мои первые жизненные ощущения, вначале горькие, беспомощно смутные, потом все более настойчиво толкавшие меня на поиски выхода, на смелую ломку своей собственной биографии...

Возникновение личности... У всех идет оно своими, неповторимыми путями. Но самая личность, характер, выковываемый жизнью, искусству, думается, крайне нужны.

Личность актера выражается в искусстве всегда по-разному. Но что-то же в ней есть такое, что я назвал бы линией поведения или стержнем, что ли... Чем-то таким, что определяет вкусы, пристрастия, выбор темы, самые пути ее решения. И, конечно, умение не сдаваться при неудаче, не падать духом.

Ведь мне предстояло вообще навсегда расстаться с искусством, когда я, играя Нагульнова в шолоховской «Поднятой целине», упал с лошади во время съемки и повредил позвоночник.

На какое-то время я превратился в инвалида. И мог бы вообще инвалидом остаться на всю дальнейшую жизнь... Сочувственно относившиеся ко мне люди, зная мою исступленную любовь к кинематографу, предлагали «спокойную» работу «вблизи» искусства... Меня эти перспективы приводили в бешенство. **Я дал себе слово** стать на ноги — это, поверьте, хороший способ лечения. Пожалуй, даже один из самых лучших. В такую «психотерапию» я, во всяком случае, верю больше, чем в какую-либо другую... Так вот, я решил стать режиссером. По наивности я думал, что режиссура, ее обязанности легче, чем актерская работа на съемках...

Я решил ставить «Цыгана», прочитав повесть Анатолия Калинина в «Огоньке». Я влюбился в эту повесть! В моей душе возникало острое, яркое, движущее мною чувство восторга. Не меньшее, чем то, которое помогало мне жить в образе Макара Нагульнова. И я стал делать этот фильм... Только потом, много времени спустя, я осознал свою отчаянную дерзость, свое безоглядное лихачество...

Но я и не осудил себя, тогдашнего... Напротив, своим ученикам во ВГИКе — нынешней молодежи — я советую верить своим дерзаниям, если только они связаны с творчеством и к творчеству имеют прямое отношение... Тихонькое, смиренненькое, робконькое существование в искусстве,— непременно эпигонское, подражательское, нелепо маскируемое подчас слепым щенячьим «авангардизмом»,— нет в искусстве ничего гаже, презреннее!..

Были и у меня «мэтры», которые считали нужным давать советы, поучать, подсказывать: мол, «Цыгана» надо делать так, чтобы фильм одобрили истинные знатоки, элита — те, кто «понимает тонкое искусство»,— а не простой разговор о жизни людей: кому, мол, это нужно!

Однако «Цыган» оказался очень нужен. С одобрением и радостью смотрели зрители фильм... Огромное количество зрителей удивило некоторых критиков, и они решили, что успех постановки следует объяснить тем, что Матвеев-де создал мелодраму. Но меня это както не очень огорчило: ну, что же, подумал я, пусть мелодрама; важно, что картина рождала любовь к героям. Ту самую боль и тот самый восторг бытия, созидания души человека, которые и есть главный предмет искусства, нужного во все времена, а сегодня — тем более.

Может быть, нескромно говорить о себе, что вот, дескать, какой я хороший: работаю для народа. Но я не вижу здесь ни похвальбы, ни тем более фальши: это ведь на самом деле так. Надо чувствовать ту золотую жилу народного бытия в том или другом произведении, которое вдруг ударило тебя по самому сердцу. Взволновало. Заставило — хочешь не хочешь — взяться за него, оставить в стороне все другие дела, махнув рукой на все «врачебные» советы и предостережения...

Точно так же — не для элиты, а для народа — были сделаны фильмы «Родная кровь», «Судьба»...

Отступая от «Судьбы», от Захара Дерюгина, хочу вспомнить о своем Пугачеве в фильме, который поставил А. Салтыков.

Ведь и Пугачева тоже не очень-то легко было сыграть... Более того, я проникся, прямо-таки до мозга костей, той трагедией, безысходностью жизни народной, которые и породили пугачевское движение. Образ Пугачева стал очень мне близок. Боль и гнев за страдания родного народа, за его униженность, за его бесправие переполняют моего героя. И в любом состоянии я чувствовал в себе самом эту непрестанную боль, эту душевную скорбь, печаль — чувства горькие, тревожащие Пугачева даже и в те минуты, когда он вроде бы отдыхает, веселится со своими соратниками. Все равно в душе он печален. Это его внутренняя струна... Мне он этим чувством гнева и боли особенно дорог. Я его таким видел, таким нес в самом себе.

Думаю, очень важно для актера вот так найти основу личности, основу души героя... Ведь Захару Дерюгину тоже совсем не сладко живется. Очень много испытаний приходится и на его долю. Но это образ **глубоко оптимистический**. Образ, взятый из советского строя народной жизни. Образ, утверждающий коммунистическую идею неизбывной силы человека, когда он **свободен**.

Конечно, и возраст мой был уже далеко не юношеский, и здоровье надорвано всем пережитым... Но я с восторгом играл Захара Дерюгина, этого «простого» русского мужика советской формации. Я прямо-таки упивался счастьем пусть нелегкого его бытия, а значит, счастьем творчества! Счастьем нового открытия «Судьбы», ее героев. А Захар — да он просто стал для меня родным, и в чем-то гораздо более значительным, чем я сам... Мы говорим — до сих пор говорим — «простой» человек, если перед нами человек из народа. Но, позвольте, какой же он **простой**? Он — будь у него образование чуть больше — может быть не только председателем колхоза, но кем угодно: учителем, врачом, министром, генералом, космонавтом, государственным деятелем... Талантище человеческий — вот что такое Захар Дерюгин. И чем труднее складывается его жизнь, тем больше внутреннего богатства обнаруживает в себе эта нескудеющая, просторная, отзывчивая **судьба**.. Я погружался в нее и упивался ею, наслаждаясь этой естественной многосторонностью, многогранностью личности, ее самобытностью, ее непритворной простотой.

Впрочем, «простота» не всегда верное и точное слово. Особенно в данном случае. Простодушие — вот Захарова характеристика; а это значит: душа, открытая людям, нелукавая, бесхитростная... Простота же, она, как говорит народ, бывает «хуже воровства»: особенно если во вред другим людям, а не только самому себе... Захар простодушен: отсюда его отношения с Маней, которые известны всему белу свету! Он и не стыдится своей любви и не скрывает ее. Но и боли тут тоже много...

Пятьдесят семь миллионов зрителей посмотрели этот фильм.

Не меньшее (если не большее) количество зрителей собрала и недавняя картина «Особо важное задание»... Меня не очень порадовали сценарии (их было два, и оба среднего качества). Но зато какая тема. Подвиг народа. Именно своим подвигом народ воюет с гитлеровским нашествием, находясь в глубоком тылу. Самоотверженный труд этот поистине приравнен к фронтовой героике. Эта тема взволновала меня до слез. И хотя не было в сценарии, а значит, и в картине каких-то особенных «открытий», каких-то поразительных «находок» — она покорила людей искренностью, тем, что ответила правде жизни. Ответила, наверное, правдиво и любовно, раз опять посыпались ко мне зрительские письма, пошли непрерывным потоком — сотнями.

Я не думаю, что смогу когда-либо ответить на этот удивительный по своему масштабу зрительский отклик. Поэтому пользуюсь возможностью вот сейчас, через «Огонек», сказать всем моим корреспондентам, что я им благодарен, что я тронут и очень взволнован многими письмами — их серьезным, жизненным содержанием... Многие из этих писем меня приводят в восторг, а некоторые душат слезами, тем пережитым горем, которым откровенно делятся со мною люди...

Вот эти-то новые, навстречу раскрывающиеся судьбы, они и рождают новое, ответное тяготение: актерское, режиссерское — к новому творческому созиданию. Они не оставляют тебя пустым, равнодушным... Все время сердце актера, художника живет в таком вот напряжении, в непосредственном отклике на то, чем жив ты сам и чем жив твой народ.

Я считаю, что это и есть патриотизм. Необходимый искусству, если он рождает в ответ новую волну патриотизма... Возникает гордость за свою страну, за несгибаемых людей-тружеников: ведь они и сегодня работают с душой. Работают на Мир...

Мне случилось во время съемок побывать в деревне Хлыстуновке, Черкасской области, где, как мне сказали, нет мужиков, вернувшихся с войны, одни бабы... Так вот эти женщины написали недавно письмо мадам Тэтчер, употребляя в нем примерно такие же крепкие выражения, какими пользовались запорожцы, обращаясь к турецкому султану... «Тайм» напечатал это письмо — наверное, в более корректной форме,— но оставил главный в нем вопрос: да есть ли у самой мадам дети, если она такая ретивая сторонница новой ужасной войны...

«Особо важное задание» — антивоенный фильм. Это меня в нем тоже очень привлекало...

Недавно я закончил еще одну работу — над восьмисерийной публицистической картиной «Возрождение»; здесь мне предложили быть Ведущим.

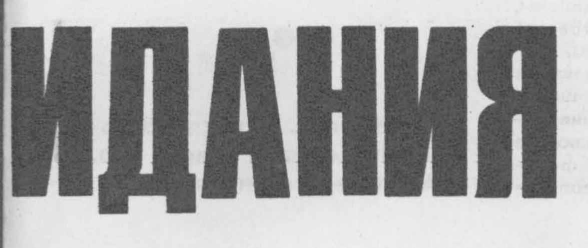
Этот фильм опять-таки наполнил меня искренним восторгом созидания, особой гордостью. Возвышенным ощущением принадлежности себя самого — пусть только артиста — к героическому бытию твоей Родины, твоего народа...

Во время такой работы я начинаю чувствовать, что причастен к главному делу жизни. А это ощущение для артиста переоценить невозможно... Оно помогает человеку переносить все, что с ним порой случается, и я очень хорошо понимаю Николая Островского, который писал своему другу, что считать его больным — это ересь, это недоразумение: ему бы хоть один глаз да хоть одну ногу — снова встал бы рядом со всеми, кто борется за советскую жизнь...

Вот героика настоящая. И она особенно волнует, когда встречаешься вдруг с тем гнилым, жадным, хватающим и губящим человека, что есть и сегодня... С чем нужно бороться яростно!

Ненависть к мещанству, приобретательству, «вещизму» вызвала у меня желание, да просто необходимость, поставить «Бешеные деньги» по пьесе А. Н. Островского... Боюсь сказать заранее, каким получится этот фильм. Думаю о нем непрестанно, очень увлечен самим замыслом. Ну, а результаты — они всем сразу становятся видны. Тем и силен экран. Тем он и требователен, тем он неумолим...

Нынешнему кинематографу не только забывать невозможно об этой главной своей сути, но следует утверждать ее повседневно! Утверждать вдумчиво, интересно, разнообразно, настойчиво... Утверждать по-коммунистически.

Встречу вела Н. ТОЛЧЕНОВА, заслуженный деятель искусств РСФСР.

ТОЛЬКО В «СТОЛЕШНИКАХ»?

К. БАРЫКИН

Фото Д. БАЛЬТЕРМАНЦА

Десять ступеней вниз — и мы в гостях у Гиляя. Это подтверждает и надпись на чугунной плите, да и связанная узлом кочерга не позволит ошибиться: именно так не однажды демонстрировал свою недюжинную силу дядя Гиляй, король московских репортеров, знаток Москвы и ее бытописатель. Знал Владимир Алексеевич Гиляровский толк и в том, что готовят в столичных трактирах и ресторанах... И вовсе не случайно кафе, что почти напротив дома, в котором жил Гиляровский, так и назвали: «Столешники, у Гиляя». Есть тут зал Москва и москвичи, есть Репортерская — выложенная литографскими камнями комната, есть Конюшенный зал — будто шагнули сюда страницы книг и фельетонов Гиляровского.

Сейчас здесь так красиво: кирпичная, под старину, кладка входа, кованой меди крыша над ним, чугунное литье декоративной изгороди. Погромыхивают круги жерновов, крутится колесо, а деревянный мельник с достоинством и галантностью приподнимет в молчаливом приветствии деревянную свою шляпу: дескать, заходите, гостями будете. Но не поклонами жив мельник — работой. Всегда полон Мельничный зал, нет пустых стульев и в других помещениях. Попасть сюда — проблема.

Все тут хорошо, а два года назад был разрушенный, с обвалившимися стенами подвал. «Вот и соорудите тут кафе!» — предложил кто-то. Может, не без умысла? Все равно, дескать, откажутся. Какое впрямь кафе: грязи по колено, подняли половицу — зажурчал ручей, сбегающий по скрытому постройками склону Тверского холма.

— Может, так и оставим? А посетителей — переобувать в резиновые сапоги.

С юмора все и началось. И с оптимизма руководителей Фрунзенского треста столовых, которые уже не первый год доказательно подтверждают: инициатива хоть подчас и наказуема, но все же нужна и даже рентабельна. И приносит добрые результаты, если не отступаться от задуманного... Разгребли подвал, переложили кладку, укрепили все металлическими стойками.

...За день до открытия собрались тут почти все, кто был причастен к созданию кафе. И хоть гостей еще рано было приглашать, все же один приехал. Из Рима. Итальянский архитектор Франко Финци приятно поражен. «Выше моих похвал!» — он не сдерживает восторга, он искренен в своих оценках. «Самое элегантное кафе из тех, что я видел в Москве»,— говорит мне Финци. И, обращаясь к директору треста столовых Вячеславу Илюшину: «Сколько времени строили? Сколько денег вложили? Кто оформлял кафе?» Итальянца знакомят с выпускником Строгановки Андреем Болотовым, а я между тем вспоминаю: откуда мне ведома эта фамилия, Болотов? Осматриваюсь и нахожу вязь деревянных букв около того самого деревянного мельника: «Самые лучшие в мире мукомольные машины торговой фирмы А. Болотов и К⁰. 1881 г.». Создатели кафе многие свои работы сдобрили хорошей шуткой, и это вовсе не помешало ни деловитости самой затеи, ни серьезному отношению к делу. И вообще представляется, что юмор и инициатива соседствуют как нельзя более. Потому что без них не удалось бы преодолеть многих трудностей.

Мне предложили побродить окрест, посмотреть на то, что за «Столешниками». Вошли в старинной планировки московский двор рядом с оживленнейшими улицами и поразились — красоте его и запущенности. Они соседствовали. Но не мирно. Внутренняя асфальтовая площадка была заставлена автомобилями, грузовыми фургонами; водитель одного тут же мыл свой замызганный дальней дорогой грузовичок. По левую сторону, в давней постройке разместился пункт по приемке макулатуры, напротив него — снабженческие конторы, трест «Моспроммонтаж», «Моснабречфлот»...

— Вот бы нам этот двор и эти здания! — мечтательно заметил Илюшин.— Сюда же просятся кафе и рестораны! Они нужны центру города как воздух. Здесь (Илюшин показывает на дом в центре двора), здесь мы открыли бы первоклассный ресторан, у этой высокой стены, которую закроют лозы дикорастущего винограда или плюща, поставили бы летние столики. Там место для пирожковой, не правда ли?..

Не знаю, где размещать пирожковую, а где — летнее кафе. Но убежден: тут, в Столешниковом, в самом центре Москвы, ресторан, столовая и экспресс-кафе во сто крат нужнее любых контор.

Часто и охотно сетуют на недостаток помещений для кафе, для ресторанов, для столовых. Справедливо сетуют. Но, оказалось, можно обойтись и без жалоб (но проявить при этом характер и настойчивость), а засучить рукава. Не проходить мимо подобных Гостиных дворов, в которые следовало бы превратить не только это полузаброшенное, нелепо используемое домовладение по Столешникову, но и десятки других мест. Сейчас энергичные московские общепитовцы исследуют улицы — одну за другой. Нашли несколько заброшенных подвальчиков на улице 25-го Октября, выпросили их, будут строить-перестраивать, облагораживать, что-то придумывать. И добьются своего. Есть такие дома в 1-м Троицком, на Садово-Сухаревской, на Пушкинской и на Большой Полянке,— да разве только на них? Исполком Моссовета с вниманием, доброжелательно рассматривает всякое предложение своего Главобщепита — и в этом тоже залог того, что в будущем и в Столешниковом переулке решится вопрос с передачей зданий домовладения № 6 для кафе и ресторанов.

Они нужны — кто в этом сомневается? Поесть быстро, вкусно — все еще проблема в нашем большом городе. И тот скачок, который сделан за последние три-четыре года, пока ощущается незначительно: что такое для столицы два-три десятка современных кафе? Счет следует вести на сотни. Не обязательно это предприятия-гиганты, но всегда — удобные, расположенные там, где их ищут, уютные и доброжелательные. Исполком Моссовета специальным решением передал Главному управлению общественного питания 90 помещений в первых этажах. Часть из них уже оборудована. И все же положено лишь начало. У меня в общем-то нет сомнений в том, что при той деловитости и настойчивости, которые становятся стилем работы Главобщепита и его многочисленных трестов, дело на месте стоять не будет. Конечно, нерентабельно открывать такое роскошное кафе, как те же «Столешники», на дальней и тихой улице. Но почему бы там не приютиться пофыркивающему самовару? Бублики, пироги — и достаточно. «Кто же станет работать?» — спрашивают меня. Да соседи этого пустующего, превращенного в чайную помещения, супружеская пара, вышедшая недавно на пенсию, но готовая потрудиться — и на благо того же общепита и для удобства возможных посетителей, и не считающая лишним тот приработок, что принесет хлопотная, но все же интересная работа в такой семейной чайной. Говорил об этом с разными людьми, мне в общем-то никто и не возражал. Никто не возражал, просто переводили разговор в другое русло...

Конечно, основа развития общественного питания — столовые, рестораны, кафе и прочие заведения, входящие в торговое ведомство. Но едва ли ущемит их интересы, едва ли помешает небольшое кафе или та же чайная, в которой весь персонал сам-один. Ну, не один — двое: супруги-пенсионеры... Да и потому они нужны, что именно с маленькими кафе не справляется огромный наш общепит. С доказательностью это продемонстрировало крохотное кафе «Лакомка», что неподалеку от того же Столешникова переулка. Открыли его — отличный горячий шоколад, марципаны, свежие булочки. От клиентов отбоя не было. Прошел месяц, два, прошли годы. Зашел я недавно в это кафе. Вместо горячего шоколада под тем же названием — нечто, отдаленно напоминающее чуть теплое какао. Плитки шоколада. Сухие коврижки. И неопрятные, неприветливые сотрудники этой «точки» общепита. Несколько человек, но обилие персонала не обеспечило ни чистоты в зальчике, ни отменности предлагаемых сластей и напитков. И когда я был в «Столешниках», а затем заехал еще в десяток новых кафе и баров, то невольно подумал: хороши они, слов нет, но уже сейчас, в самом начале их карьеры, появляются настораживающие сбои и просчеты.

Утверждают: бары обеспечены барменами. «Они прошли подготовку на специальных курсах». По-видимому, оно так, но бармен — в общем-то новая профессия для нашего общепита. Знатоки считают, что бармен — это высшего класса официант, умеющий не только приготовить коктейль, но и поддержать беседу со словоохотливым посетителем, знающий, как твердо, но деликатно отказать в крепком напитке тому, кто уже навеселе. Я походил по барам и не заметил проявления таких качеств у большинства барменов. К тому же известно (факты эти не секрет, о них знают и в Главобщепите), что далеко не все бармены с достоинством и честью выполняют свои обязанности. Как-то в одном из баров проверяли коктейль. Он состоял из трех компонентов, которые после смешивания должны бы дать напиток определенной крепости. И вдруг выявилась алкогольность на несколько градусов выше. В чем дело? «Чудес не бывает! — отметили проверяющие.— В коктейль подлит спирт».

— Мы контролируем работу баров и барменов! — говорят сотрудники управления.

Проверяют, я в этом убедился. И наказывают провинившихся. Но мне кажется, что мера наказания должна быть одной: отлучение от бара. Строгость эта не чрезмерна, если учесть, что бармен поставлен в особые условия. Он один в баре. Он и посетители. Бармен — солист. И профессиональная честь, как и профессиональное умение, очень важны... Я был на будапештском конкурсе официантов и барменов, беседовал с лучшими барменами Вильнюса и Риги. И теперь, сравнивая, не могу поставить вровень с ними никого из известных столичных барменов. Мне скажут: ну, там были лучшие из лучших. Так-то оно так...

Бармен — человек высокой общей культуры. Но пока на это слагаемое внимания обращается мало. Пока многое определяется некоей наивностью представлений и дилетантизмом. И умиленной восторженностью: «Вот мы какие, все своими руками. Если такое кафе построили, то бармена-то научим!..» К чему приводит отсутствие профессионализма (а он, конечно, подразумевает безупречную честность), попытаюсь показать на судьбе «рюмочных». После долгого забвения их несколько лет назад возродили. Все четко расписали: к пятидесяти граммам водки непременен бутерброд. Ко второй рюмке — еще один бутерброд. Подошел в третий раз: извините, не положено. На практике же оказалось так: рюмка и бутерброд, вто-

«Столешники, у Гиляя». В Конюшенном зале свой бар. * А это — Мельничный зал.

рая рюмка (да что там рюмка, полстакана), можно и без закуски... А раз сделал «одолжение» рюмочник, то и клиент не замечает, что несколько капель ему не долили...

Однако беда в бар может прийти не только с этой стороны. Она запрограммирована организаторами дела, точнее сказать — кулинарным советом. Он, этот совет, рассмотрел и утвердил рецептуру 28 коктейлей. Почти все они — с коньяками и ликерами, с водкой и прочими весьма крепкими напитками. В общем-то так и должно быть, тут ханжеством заниматься не следует. Но наряду с крепкими, спиртовыми коктейлями — да что там наряду, впереди них — должны бы идти коктейли десертные, мягкие, безалкогольные. В надобности их меня убеждает и такое обстоятельство. Побывал в десяти барах (ездил без общепитовского начальства) и во многих видел совсем юных посетителей: не только студентов и студенток первых курсов, но и, похоже, школьников старших классов. Отваживать их от баров, отговаривать, читать нотации? Но что, собственно, плохого в том, что в бар придет первокурсник с первокурсницей? Но вот встретить такого посетителя не водочно-ликерным коктейлем, а фруктовым, с соком и вкусным сиропом, орешками и минеральной в хрустальном бокале — это бар обязан. Так ли сейчас?..

Словом, проблем в нововведении, начатом общепитом, много. У баров впереди не только звезды, но и тернии. Проще всего отказаться от баров, снова запретить их, как и было сделано несколько лет назад. Но это не решит вопроса. Это лишь подчеркнет: не перевелись перестраховщики. Бары появились отличные, красивые, нужные. И от создателей их зависит, смогут ли они поддержать и пронести ту грань доступной всем, демократичной элитности, что заложена при их организации, или превратятся в такие же заурядные, безликие кафе, каким «усилиями» самих работников этого кафе стала «Лакомка».

И еще одно: «Лакомка» находится почти напротив Главного управления общественного питания Москвы. Но вот в «Столешниках» работников Главобщепита я встречал, а в «Лакомке» — ни разу. И хочу знать: надолго ли хватит управленческого внимания тем же «Столешникам» (читай — «Мечте», «Бахору», «У Никитских ворот» — не могу все перечислить,— много появилось новых кафе и баров) и другим модным ныне предприятиям общественного питания?

В завершение. Может, прошла пора такого скучного, неаппетитного «имени-отчества» — общепит? Ведь не вписываются в него «Столешники», вкусно потчующая «Рябинушка» или «Бахор», в котором с удовольствием выпьешь стаканчик ароматного азербайджанского чая.

●

«Бахор» потчует ароматным чаем * «У Никитских ворот» — один из популярных баров * И в «Охотнике» есть посетители * «Рябинушка» — кафе хлебосольное.

А шиповник тот самый цветет...

Нина
НОВОСЕЛЬНОВА

ОСТАНКИНО

Зажемчужнели под вечер,
Синевато-розовые,
Словно в снежном храме свечи,
Заросли березовые.
А за рощицей дубрава
Вышла разворотами,
Как старинная оправа,
Бронза с позолотою.
Вдоль дубравы в перезвоне,
Сытые да быстрые,
Мчатся кони, кони, кони,
Медалисты с выставки!
И, когда промчатся сани,
Стихнут звоны на пруду,
Я неспешными шагами
Парк знакомый обойду.

...Были песни, были игры,
Золотые вечера,
Где ж вы, мальчики с «Калибра»,
Работяги, мастера?
Ожениться не успели,
Лишь подружек завели,—
Ремешком стянув шинели,
В ополчение ушли.
На далеком полустанке,
Под разрывами гранат
Вспоминал свое Останкино
Молоденький солдат.
А ведь, может быть, за Каменкой
Не гнуть ему ракит,
А быть может, в гулком пламени
Он под Крюковом сгорит?

...Вдоль дубравы, в перезвоне,
Сытые да быстрые,
Мчатся кони, мчатся кони,
Медалисты с выставки.
Вот опять промчались санки,
Перезвон и говор стих.
Помнишь, помнишь ли, Останкино,
Защитников своих?

ТОПОЛИНОЕ СЕРЕБРО

Мне так нужно хотя бы изредка
Возвращаться в свое «вчера»,
Пусть неузнанной и непризнанной,
Постоять в глубине двора.
За оградою за старинною,
Озорно подключась в игру,
Пробежаться б по тополиному
Непримятому серебру!
Чтобы волосы ветром взвихрены,
Чтобы плечи смуглее слив,
Чтобы ждал меня парень тихий,
Руки сильные опустив.
А дождется — и ни полслова,
За ресницами спрячет взгляд...
И чего бы во мне такого,
Что мальчишки, как пни, стоят?
Утро. Солнечные разливы.
Брови выцвели добела.
Неужели я несчастливой
Хоть на час в эти дни была?
А чего бы во мне такого?..
В сорок третьем среди огня
Он товарищу снова, снова
Все рассказывал про меня.
И, храня фронтовое братство,
Мне товарищ привез слова,
Те, что стали моим богатством,
Те, которыми я жива.

...Молча, школьницею наказанной
Я стою в глубине двора.
Ничего еще не рассказано
О моем золотом «вчера».

У ДНЕПРА

Все хочу совместить то,
что в памяти свято,
С тем, что вижу воочью, сейчас.
Примеряю куски — на заплате
заплата,
И не греет ни солнце, ни глаз...

Вот деревня: во сне ее вижу
часто,
А признать — хоть убей! —
не могу.
И поди сосчитай все воронки
да насыпи
На днепровском крутом берегу.

Нынче берег обжит: вон купаются
дети,
И хозяйка полощет белье.
Ну так как же узнать, по которой
примете
Сердцу памятное, мое?..

И открыла мне память упругие
створки,
Протянула тончайшую нить:
— Это здесь на линялой своей
гимнастерке
Ты любила шиповник носить.

Ну, любила — и что? Где брала,
ты напомни,
Ведь загадки-разгадки не в счет.
Стоп! Девчонка в лощинке
ломает шиповник...
Он! Тот самый! Все там же
цветет!..

ВСЕГДА НА ПЕРЕДОВОЙ

«В бою песня встает комиссаром перед самым передним окопом».

Эти слова принадлежат замечательному советскому поэту Михаилу Светлову.

Песня действительно все годы военного лихолетья была на передовой. С ней шли в бой, с ней не расставались и в минуты затишья. Песни рождались на фронте, в тылу. Словно на крыльях, летели они по стране, вселяя веру в победу, помогая преодолевать тяготы военной годины.

Лучшие произведения советских песенников прошли суровую проверку временем, по-прежнему любимы народом.

Как рождались эти песни, как находили дорогу к сердцам людей, рассказывает журналист Андрей Луковников в книге «Друзья-однополчане». Вышедшая уже вторым, расширенным и дополненным изданием, она познакомит читателей с историей создания почти шестидесяти песен-ветеранов, причем все произведения сопровождаются клавиром и поэтическим текстом.

В книге представлены песни героические и шуточные, романтические и лирические, начиная с суровой, зовущей в бой «Священной войны», кончая бодрой, радостной «На солнечной поляночке»... Д. Шостакович и Т. Хренников, В. Соловьев-Седой и И. Дунаевский, С. Кац и М. Фрадкин, М. Исаковский и А. Сурков, А. Фатьянов и Е. Долматовский...

Много знакомых имен встретили мы на страницах этого сборника, воскресили в памяти строфы прекрасных, неумирающих песен.

Нельзя не сказать о строгом, но ярком, впечатляющем оформлении книги, делающем честь издательству (художник Н. Пшенецкий).

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ

Друзья-однополчане. Автор-составитель А. Луковников. Издание 2-е, дополненное. М., изд-во «Музыка». 1980.

Гассан **КАНАФАНИ**

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки **М. ПЕТРОВОЙ**

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ХАЙФУ

4

Вечерело, и Яффа, за исключением, может быть, района Маншии, выглядела такой же, какой знал ее Фарис двадцать лет назад. Несколько секунд, пока не послышались шаги за дверью, показались ему вечностью, заполненной бессильной обидой и тоской. Наконец дверь открылась, и на пороге появился высокий смуглый человек в расстегнутой белой рубашке. Он протянул Фарису руку. Фарис сделал вид, что не заметил протянутой руки, и спокойно, но жестко сказал:

— Я приехал посмотреть на свой дом. Это мой дом, а твое присутствие в нем — это нелепый фарс, с которым мы покончим при помощи оружия. Можешь стрелять в меня, но все равно это мой дом. Я ждал этого двадцать лет. А если...

Мужчина, стоявший на пороге и протягивающий руку, вдруг рассмеялся, подошел вплотную к Фарису и неожиданно обнял его.

— Не стоит ссориться. Я ведь тоже араб и тоже из Яффы. Я знаю, кто ты, ты — Лубда, заходи, выпьем кофе.

Изумленный и еще не поверивший в то, что происходит, Фарис вошел в квартиру. Мебель, обстановка, обои — все в ней было прежним. Человек, широко улыбаясь, жестом пригласил его в гостиную. Фарис остановился как вкопанный перед открытой дверью. Слезы навернулись ему на глаза.

Гостиная выглядела так же, как в то утро, в ней по-прежнему пахло морем, Фарис помнил этот запах, вызывавший в нем мысли о неизведанных мирах, которым он когда-нибудь бросит вызов. Но сейчас другое заставило Фариса замереть на пороге. На стене напротив двери висела, как и раньше, фотография его брата с той же широкой черной лентой в правом углу.

В комнате повеяло похоронами, и Фарис зарыдал. Это было давно, но прошлое нахлынуло на него, как бы вырвавшись на волю после долгого заточения.

Его брат Бадр был одним из первых, кто взялся за оружие в Аджами в декабре 1947 года. Их квартира превратилась в место встреч юношей, которые в мирное время собирались на спортплощадке. С декабря все изменилось, и Бадр вступил в ряды сражающихся с таким энтузиазмом, как будто готовился к этому с самого детства. 6 апреля 1948 года товарищи принесли Бадра в дом. Он сжимал пистолет в руке. Его убило осколком снаряда на улице Тель Риш. Бадра похоронили в Аджами с почестями, как подобает герою. Один из его товарищей пошел на улицу Искандера Ауда, где художник по имени Кутб написал на плакате, что Бадр Лубда погиб, сражаясь за свободу родины. Какой-то парень понес плакат впереди похоронной процессии, а еще двое несли увеличенную фотографию Бадра. Вечером эту фотографию с траурной лентой в правом углу принесли домой.

Фарис до сих пор помнил, как мать сняла в гостиной все фотографии и повесила портрет Бадра на стене против двери. С тех пор в комнате воцарилась скорбь. Сюда приходили люди, подолгу сидели, смотрели на фотографию и уходили.

Фарис видел гвозди, торчавшие в голой стене. Они вдруг показались ему людьми, окружившими большую траурную фотографию его старшего брата, одиноко висевшую в комнате.

— Проходи, садись,— сказал мужчина.— Потолкуем немного. Мы уже давно тебя ждем, но, конечно, лучше бы встретиться при других обстоятельствах.

Фарис вошел, будто во сне, и сел напротив фотографии. Он двадцать лет ее не видел. Когда они покидали Яффу на лодках, которые подбирали их севернее Шатт Шабаб, чтобы увезти в Газу (отец уехал в Иорданию), то не захватили с собой ничего, даже фотографии Бадра.

Фарис почувствовал, что он в состоянии говорить, лишь только после того, как в комнату вбежали мальчики, которые с криками стали носиться между стульев и тут же исчезли.

— Это мои сыновья — Саад и Бадр,— с гордостью сказал мужчина.

— Бадр?

— Да, мы назвали его в честь твоего брата.

— А фотография?

Мужчина встал и, изменившись в лице, сказал:

— Я из Яффы, из Маншии. Во время войны 1948 года в мой дом попал снаряд. Не стоит сейчас рассказывать, как пала Яффа и как ушли те, кто пришел ей на помощь в трудную минуту. Все это уже позади. Важно, что, когда мы с бойцами вернулись в пустой город, нас сразу арестовали. Я долго сидел в тюрьме. А когда выпустили, я не захотел уехать отсюда. Потом я нашел эту квартиру.

— А фотография?

— Когда я вошел в дом, сразу ее увидел. Может быть, из-за нее я и снял эту квартиру. Все слишком сложно, трудно тебе это объяснить. Понимаешь, когда Яффу оккупировали, город был почти пуст. Я вышел из тюрьмы и почувствовал себя как в окружении. Здесь не было ни одного араба. Я был вроде островка среди шумного моря вражды. Ты не знаешь, что это такое, а я это все пережил.

Увидев портрет Бадра, я понял, что он будет моим утешением. Я видел в нем товарища, который разговаривал со мной, который напоминал мне о том, чем я гордился, о том, что я считал самым счастливым в моей жизни. Тогда я решил, да и сейчас так думаю, что если поселюсь с бойцом, с товарищем, погибшим за родину, то сохраню какую-то связь с ней. А может быть, мне хотелось проявить верность тем, кто сражался за будущее. Я чувствовал, что если брошу его, то это будет предательством, которое я никогда себе не прощу. Это помогло мне не только остаться здесь, но и выжить. Портрет я так и не трогал. Он стал частью нашей жизни — моей, жены Лямии, моих мальчиков — Бадра и Саада. Двадцать лет мы с твоим братом прожили одной семьей. Это было очень важно для нас...

Фарис просидел у него до полуночи. Он все смотрел на Бадра, улыбающегося с траурной фотографии, Бадра молодого, каким он был двадцать лет назад. Перед тем как уйти, Фарис спросил, можно ли унести с собой фотографию.

— Конечно, можно,— с готовностью ответил мужчина.— Ведь это твой брат.

Он встал и снял со стены фотографию. Выцветший прямоугольник, оставшийся на ее месте, выглядел странно и вызывал неясную тревогу.

Фарис взял фотографию, сел в такси и поехал в Рамаллах. Всю дорогу он смотрел на нее, лежащую рядом на сиденье. С фотографии улыбался его молодой старший брат. Так он и смотрел на нее, пока машина не проехала Иерусалим и не выехала на дорогу, ведущую в Рамаллах. Только тогда Фарису вдруг пришло в голову, что он не имеет права хранить у себя фотографию. Он не мог объяснить, почему ему так показалось, но попросил шофера вернуться в Яффу. В город они приехали к утру.

Теперь он медленно поднялся по лестнице и постучал в дверь. Мужчина взял фотографию и сказал:

— Знаешь, я почувствовал вдруг пустоту, когда увидел этот прямоугольник от фотографии. Жена плакала, и дети как-то притихли — я даже удивился. Я пожалел, что отдал тебе фотографию. Ведь в конце концов она наша. Мы сжились с ней. Она стала частью нас самих. Ночью я сказал жене, что если хочешь вернуть фотографию, то надо вернуть и дом, и Яффу, и нас... Фотография, конечно, ничего не решает, но она как мост между нами.

Фарис вернулся в Рамаллах один...

Саид сказал жене:

— Лубда...

И тихо прошептал:

— ...сейчас взялся за оружие...

5

К дому подъехала машина. В комнату сразу вошла Мириам. Лицо ее было неестественно белым. Время шло уже к полуночи. Старуха, шаркая, медленно подошла к окну, раздвинула шторы и сказала дрожащим голосом:

— Дов приехал!

Послышались энергичные, тяжелые шаги. Саид вслушивался в звуки на лестнице. Хлопнула дверь, и щелкнула задвижка.

Мгновения тянулись долго, и казалось, что невыносимый, сумасшедший звон ворвался в тишину. Саид взглянул на Мириам и впервые увидел, как побледнело и осунулось ее лицо. У него не хватало мужества посмотреть на Сафию. Он уставился на дверь, чувствуя, как пот заливает все его тело.

Шаги в коридоре замедлились. Потом раздался нерешительный, негромкий голос:

— Мама!

Мириам задрожала и сцепила пальцы. Саид смотрел на беззвучно плачущую жену. Шаги остановились, словно выжидая. Снова послышался голос. Мириам тихим, дрожащим голосом перевела:

— Он спрашивает, почему я так поздно сижу в гостиной.

Шаги приблизились, и дверь приоткрылась.

— Заходи, Дов,— сказала по-английски Мириам.— У нас гости. Они хотят тебя видеть.

Это было невероятно. В свете, падающем из коридора, появился высокий юноша в военной форме. В руке он держал берет.

Саид подскочил как ужаленный и зло посмотрел на Мириам.

— Так это и есть сюрприз? Вы потому хотели, чтобы мы его дождались?

Сафия отвернулась, закрыла лицо руками и громко зарыдала.

Высокий юноша по-прежнему стоял в дверях, в замешательстве переводя взгляд с одного на другого. Мириам встала и медленно сказала с деланным спокойствием:

Окончание. См. «Огонек» №№ 17, 18.

— Я хочу представить тебе твоих родителей... Твоих настоящих родителей.

Молодой человек робко шагнул вперед. Он переменился в лице и, казалось, как-то сник. Он посмотрел на свою форму, потом взглянул на Саида, который пристально всматривался в его лицо. Наконец молодой человек тихо сказал:

— Я не знаю другой матери, кроме тебя. Моего отца убили на Синае одиннадцать лет назад. Я не знаю других родителей.

Саид отступил на шаг и дотронулся до руки Сафии. Он сам удивился, как быстро обрел спокойствие. Если бы кто-нибудь сказал ему еще пять минут назад, что он будет невозмутимо сидеть в кресле и смотреть на сына, он ни за что бы не поверил. Но сейчас все изменилось.

Время тянулось медленно, все молчали. Молодой человек стал ходить взад и вперед по комнате: три шага к столу, три к двери и обратно. Он бросил на стол берет, который казался совершенно неуместным и даже смешным возле павлиньих перьев в кувшине. Саиду вдруг показалось, что он смотрит хорошо отрепетированную сцену. Он вспомнил неправдоподобные эпизоды из дешевых мелодрам, создающие ложное ощущение напряженности.

Юноша подошел к Мириам и сказал нарочито громко, отрывисто и категорично:

— Зачем они приехали? Только не говори, что они хотят, чтобы я к ним вернулся!

— Спроси их сам,— в том же тоне ответила Мириам.

Он повернулся, как оловянный солдатик, выполняющий приказ, и спросил Саида:

— Что вам угодно, господин?

Саид сохранял спокойствие, казавшееся тонкой корочкой, под которой кипела лава. Он тихо сказал:

— Ничего. Ничего... Мы приехали просто из любопытства.

Снова наступило молчание. Только плакала Сафия, как чересчур эмоциональный зритель в кино. Молодой человек перевел взгляд с Саида на Мириам, будто притянутый непонятной силой, и сказал:

— Нет, это невозможно. Невероятно...

Саид, который вдруг совершенно успокоился, спросил:

— Ты служишь в армии? Против кого же ты воюешь и почему?

Молодой человек вскочил:

— Вы не имеете права задавать такие вопросы,— резко сказал он.— Вы на другой стороне.

— Я? На другой стороне?

Саид рассмеялся и почувствовал, как вместе со смехом вырываются наружу накопившиеся в нем боль, напряжение, страх и страдание. Ему захотелось смеяться и смеяться, пока мир не перевернется, а может быть, заснуть, умереть или броситься вниз к машине. Молодой человек грубо прервал его:

— Не вижу причины для смеха.

— Зато я вижу!

Саид посмеялся еще немного, потом замолчал и уселся поудобнее, чувствуя, как вновь обретает спокойствие. Он пошарил в кармане в поисках сигарет.

Молчание затянулось, и успокоившаяся Сафия тихо спросила:

— Ты не чувствуешь, что мы твои родители?

Никто не знал, кому был адресован этот вопрос. Ни Мириам, ни молодой человек не поняли его. Саид молча докурил сигарету и встал, чтобы потушить ее в пепельнице на столе. Ему пришлось отодвинуть берет. Он сдвинул его в сторону и иронически усмехнулся.

Молодой человек сказал другим тоном:

— Давайте поговорим, как культурные люди.

Саид снова усмехнулся:

— Но ты ведь не хочешь вести переговоры... Ты сам сказал, что я на другой стороне... Так что же произошло? Тебе вдруг захотелось побеседовать с нами?

Сафия взволнованно спросила:

— Что он говорит?

— Ничего.

Молодой человек снова встал. Казалось, он произносит заученные фразы:

— Я узнал, что Мириам и Иврат не мои родители, три-четыре года назад. Я еврей с детства. Я молюсь в синагоге, ем кошерную пищу, говорю на иврите и закончил еврейскую школу. Когда мне сказали, что я приемыш, для меня ничего не изменилось. Ничего не изменилось и когда я узнал, что мои настоящие родители — арабы. Нет, не изменилось. Это точно... Главное в человеке — это дело, ради которого он живет.

— Кто это сказал?

— Что?

— Что именно это главное в человеке?

— Не помню... Почему вы спрашиваете?

— Из чистого любопытства. Мне только сейчас пришло это в голову.

— Что важно дело?

— Да.

— Тогда почему вы приехали искать меня?

— Сам не знаю. Может быть, потому, что я не догадывался, как важно для человека его дело, а может быть, чтобы проверить это. Не знаю. Ты еще не все сказал?

Молодой человек снова принялся мерить комнату шагами, заложив руки за спину: три шага — к двери, три — к столу. Сейчас он был похож на ученика, который вызубрил длинный урок, а его прервали на середине

ответа, он сбился и никак не может собраться с мыслями. Вдруг он сказал:

— Когда мне сообщили, что мои родители — арабы, я все время спрашивал себя: как могут родители бросить пятимесячного ребенка и драпануть? А совсем чужие люди подбирают ребенка и воспитывают его двадцать лет! Двадцать лет! Что скажете, господин?

— Ничего не скажу,— отрубил Саид и жестом предложил юноше продолжать.

— Я сейчас в резерве. Мне еще не приходилось быть в бою, поэтому я не могу рассказать вам о своих чувствах. Может быть, придет день, когда я докажу, что прав. Здесь моя родина и вот моя мать. А вас я не знаю и никаких чувств к вам не питаю.

— Не надо о чувствах. Может случиться, что в первом же бою ты встретишься с солдатом по имени Халед. Это мой сын. Обрати внимание, я не сказал, твой брат. Вот ты говоришь, что человек — это дело, ради которого он живет. На прошлой неделе Халед ушел в отряд. Кстати, знаешь, почему мы назвали его Халед, а не Халдун? Потому что мы надеялись найти тебя, пусть даже через двадцать лет. Но этого не произошло. Мы тебя не нашли, и думаю, что никогда не найдем.

Саид тяжело поднялся с кресла. Только сейчас он почувствовал, что устал, что напрасно прождал всю жизнь. Его охватила щемящая тоска. Глаза щипало от слез. Саид сказал неправду: Халед не ушел в отряд, родители не пустили его. Саид же пригрозил сыну, что отречется от него, если Халед пойдет воевать. Следующие несколько дней после стычки с Халедом показались ему ужасным кошмаром. Да неужели это он недавно поссорился с Халедом и запрещал ему уходить из дома? Какой странный, какой невероятный мир!

А сейчас единственным козырем Саида в разговоре с этим высоким юношей, который отрекался от него, была гордость за то, что у него есть сын, тот самый Халед, которому он не разрешил вступить в отряд только потому, что Саид обладал правом отцовства. Кто знает, а вдруг Халед воспользовался отъездом родителей и удрал... Хорошо бы, если бы так!

Саид подумал, что будет сильно разочарован, если, вернувшись, застанет Халеда дома.

Саид прошелся по комнате и в который раз пересчитал павлиньи перья. Впервые после появления юноши он решился взглянуть на Мириам и медленно промолвил:

— Он вот спрашивает, как родители могут бросить грудного ребенка и драпануть? А вы ведь не сказали ему правду, точнее, вы слишком поздно рассказали ему все. Выходит, мы его бросили? Выходит, мы погубили того ребенка в Хадаре? Вы сказали, что труп младенца был первым, что вам довелось увидеть здесь, в этом мире, где давно нет справедливости. Может быть, тот младенец и был Халдун? Может быть, крошечное создание, которое рассталось с жизнью в тот печальный день, и было Халдун? Да, наверняка это был он! Вы обманули нас! Халдун умер! А этот парень — сирота, которого вы подобрали где-нибудь в Польше или в Англии!

Юноша сжался в кресле. Саид подумал: «Да, мы потеряли его. Впрочем, это он потерял себя и уже никогда не станет таким, как хотя бы час назад». Эта мысль даже вызвала в нем смутное удовлетворение. Саид наклонился к юноше:

— Да, человек — это действительно дело, ради которого он живет. Так ты, кажется, сказал? Ну что ж, ты прав! Только вопрос в том, что человек считает делом своей жизни? Подумай хорошенько. У Халеда ведь есть дело жизни. То, что он мой сын, здесь ни при чем. Понимаешь! Ни кровь, ни паспорт, ни удостоверение личности здесь ни при чем. Можешь ты это понять? Ну хорошо, допустим, ты встретил бы нас с объятиями, поцелуями, слезами, как мы мечтали. Неужели от этого что-нибудь изменилось бы? Ну, допустим, поцеловал бы ты нас! Думаешь, мы ответили бы тебе тем же? Пусть тебя зовут Халдун, Дов, Исмаил или еще как-нибудь. Разве это что-нибудь меняет? И все-таки я не презираю тебя. Ведь не ты один виноват. Может быть, ты только сейчас почувствовал себя виноватым и эта вина станет теперь твоей судьбой? Человек вбирает в себя все, что ему вдалбливали в голову час за часом, день за днем, год за годом. Если я в чем и раскаиваюсь, так в том, что двадцать лет верил в другое.

Саид сел. Он пытался сдержаться. Но именно сейчас, сию минуту, проходя мимо стола с кувшином, он увидел, что все изменилось за эти несколько часов. Ему вдруг пришла в голову мысль: «А что такое родина?» Он горько улыбнулся. Сафия с тревогой смотрела на него. В его глазах застыл немой вопрос. Саид обратился к жене:

— Как ты думаешь, что такое родина?

Сафия изумленно взглянула на мужа, словно не веря своим ушам. Затем она осторожно и с сомнением в голосе переспросила:

— Что ты сказал?

— Я спросил, что такое родина? Я только что подумал об этом. Что такое родина? Может быть, это два стула, проторчавшие здесь двадцать лет? Или стол? Или павлиньи перья? Или медный засов? Или кипарис? Или балкон? Что такое родина? Халдун? Иллюзии, которыми мы жили? Отцовство? Сыновство? Что такое родина? Что она значила для Фариса? Может быть, родина для него — это фотография брата? Я хочу понять.

Сафия заплакала, вытирая слезы скомканным платочком. Саид взглянул на нее и подумал: «Господи, она действительно состарилась. Всю молодость она ждала этой минуты и не знала, как все будет печально».

Саид посмотрел на Дова. Ему показалось невероятным, что этот юноша вышел из чрева Сафии. Саид тщетно пытался обнаружить хоть малейшее сходство между ним и Халедом. Он удивился, как быстро исчезла симпатия, с которой он впервые взглянул на Дова. Все воспоминания о Халдуне растаяли, как снежок на солнце.

Саид смотрел на Дова. Тот встал и подошел к Саиду. Казалось, он стоит во главе взвода солдат. Было видно, как он пытается сохранить хладнокровие.

— Всего этого могло бы и не быть, если бы вы вели себя, как подобает сознательному и нормальному человеку.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Вы не должны были удирать из Хайфы. Ну, а если уж удрали, то ни за что, слышите, ни за что не смели бросать грудного ребенка. А если уж бросили, так должны были любой ценой вернуться сюда! Что, скажете, невозможно было? Прошло двадцать лет, уважаемый! Двадцать! Что вы сделали за все это время, чтобы найти сына? Да я бы из-за одного этого взялся за оружие! Неужели есть более важный повод? Эх, никчемные вы люди! Никчемные! Так и остались в плену своей отсталости! Только не рассказывайте мне, как вы обливались слезами все двадцать лет! Нет, слезами пропавших не вернешь! Слезами чудес не сотворишь! Пожалуй, всех слез на земле не хватит, чтобы поплыла на них лодочка с родителями, которые ищут сына! А вы двадцать лет плакали! Это и есть ваше единственное оружие?

Саид в изумлении попятился. У него кружилась голова. Неужели все происходит на самом деле? Может быть, это только долгий, кошмарный сон, опутавший его, словно огромный паук? Он посмотрел на Сафию, увидел ее беспомощную улыбку и почувствовал острое сострадание к ней.

— Не хочу с ним спорить,— сказал Саид.

— А что он говорит?

— Ничего. Говорит, что мы трусы.

— Он такой, потому что мы трусы? — наивно спросила Сафия.

Саид повернулся к Дову. Тот по-прежнему стоял. Павлиньи перья петушиным хвостом торчали из-за его спины. Саиду стало смешно.

— Жена спрашивает, не стал ли ты таким из-за нашей трусости? Видишь, она по простоте своей даже согласна, что мы трусы. Ты прав, но это тебя не оправдывает. Из двух ошибок не складывается истина. Будь это так, приезд Иврата и Мириам сюда оправдал бы их. Когда же вы все наконец перестанете играть на слабости и ошибках других? Это все такая старая ложь! То вы говорите, что наши ошибки оправдывают ваши, то, что с одним террором нельзя бороться при помощи другого. В первом случае вы пытаетесь обосновать ваше присутствие здесь, а во втором — избежать заслуженной кары. Да, видать, вы здорово поднаторели в словесной игре. Вот ты сейчас пытаешься сделать из нашей слабости троянского коня и оседлать его... Я сейчас говорю с тобой не как с арабом. Сейчас я понял, что человек — это дело, ради которого он живет, а не кровь, которую поколения наследуют друг у друга. Нет, я говорю с тобой прежде всего как с человеком, еврей ты или кто другой. Ты должен понять все правильно, и я уверен, что рано или поздно так и будет. Ты поймешь, что величайшее преступление человека — хоть бы на миг поверить, что слабость и ошибки других дают ему право существовать за их счет и служат оправданием его собственных ошибок и грехов.

Саид пристально посмотрел в глаза Дову:

— Думаешь, мы будем и впредь ошибаться? Ну, а если нет, что у тебя останется тогда?

Он понял, что пора идти. Все было кончено. Говорить не о чем. Саид почувствовал, как сильно соскучился по Халеду. Он готов был мчаться к нему, чтобы поцеловать сына, уткнуться ему в грудь и по-детски заплакать, как бы поменявшись с Халедом ролями. «Это и есть родина»,— подумал Саид и повернулся к жене.

— Знаешь, Сафия, что такое родина? Родина — это уверенность в том, что такое с тобой никогда не случится.

— Что с тобой? — с тревогой спросила Сафия.

— Ничего, пустяки. Я понять хотел. Я ищу настоящую Палестину. Палестину, которая значит больше, чем простое воспоминание, павлинье перо или детские каракули на стене. Я еще подумал: «А для Халеда что такое Палестина? Ведь он не знает ни про кувшин, ни про фотографию, ни про лестницу, ни про Халису, ни про Халдуна». И все равно стоит браться за оружие, стоит жертвовать собой во имя родины. А мы с тобой что-то искали под толстым слоем пыли. А что же нашли? Одну пыль! Мы ошиблись, когда думали, что родина — это только прошлое. Для Халеда родина — это прежде всего будущее. В этом разница. Поэтому Халед и решил взяться за оружие. Тысячи таких, как Халед, не обращают внимания на жалкие слезы тех, кто пытается найти утешение среди могил и обломков прошлого. Они смотрят в будущее, исправляют наши ошибки да и ошибки всего мира. Дов — наш позор, а Халед — честь, которую мы сберегли. Помнишь, я тебе говорил, что не надо было ехать сюда? Война — вот выход из положения. Пошли... Эх, Сафия, Сафия! Ведь Халед понял это раньше нас!

Они встали. Сафия смущенно теребила платочек. Дов остался сидеть, опустив голову. Берет, лежавший возле кувшина, казался почему-то смешным.

— Вы не можете вот так взять и уйти,— медленно промолвила Мириам.— Даже поговорить толком не успели.

— Говорить не о чем,— произнес Саид.— Для вас это, наверное, всего лишь печальное событие. Но у истории свои законы. Мы пытались пойти ей наперекор. Но все это временно. Палестинцы обязательно расплатятся за все. Я знаю многих, кто расплачивался детьми. Я тоже. Правда, у меня все вышло как-то странно. Но я расплатился. Это было мне первым уроком. Трудно все это объяснить...

Он повернулся и посмотрел на Дова, который сидел в той же позе. Когда Саид уже взялся за ручку двери, Дов сказал:

— Вы можете немного погостить у нас. Все равно решить это можно только войной!..

Саид спускался по лестнице, внимательно всматриваясь в окружающие предметы, которые уже не были для него такими важными, как несколько часов назад. Сзади слышались шаги Сафии. Улица была пустой. Саид сел в машину, отпустил тормоз и, не включая зажигания, поехал вниз. Он завел мотор перед поворотом на улицу короля Фейсала...

Саид ехал молча всю дорогу и, только подъезжая к Рамаллаху, сказал:

— Надеюсь, что Халед ушел в отряд, пока мы ездили...

Перевел с арабского Е. СИДОРОВ.

1969

БУНТ ЖИВЫХ СРЕДИ МЕРТВЫХ

ТВ

«Зачем и для чего я живу?» — вопрос этот рано или поздно задает себе любой человек и старается найти на него ответ. Но только в том мире, где живет мистер Кэттл, подобные вопросы задавать не принято, неприлично, и, более того, подобная «любознательность» преступна. Так думают столпы брикмилльского общества, эти полутрупы-полуавтоматы, чей единственный и главный смысл жизни заключен в погоне за богатством, за положением, властью.

Неожиданное желание банковского служащего Кэттла стать человеком тем более опасно и неуместно, что оно еще и заразительно: только этим можно объяснить поведение чопорной, всеми уважаемой миссис Мун, вдруг превратившейся в обаятельную, красивую женщину и последовавшей за «сумасшедшим» Джорджем Кэттлом на край света. Между прочим, и глупая, взбалмошная девчонка Моника Твигг, мечтавшая лишь о богатстве и славе, стоило ей только познакомиться с Кэттлом, тоже начинает вести себя предосудительно и даже пытается оказать сопротивление инспектору полиции...

Телефильм «Скандальное происшествие в Брикмилле», поставленный народным артистом РСФСР Юрием Соломиным по пьесе Д. Пристли, последовательно, подробно и в то же время ненавязчиво объясняет нам, почему все-таки столь естественное желание человека быть человеком, найти себя, подумать о смысле своего, столь недолгого, существования на земле встречает такой отпор со стороны инспектора Стрита, члена городского управления Хардейкра и прочих деловых людей, окружающих Кэттла. Суть в том, что возрождение Джорджа Кэттла наносит — и это прекрасно показано в киноленте — сокрушительный удар по раз и навсегда заведенному порядку, по устоям общества, залог преуспеяния которого лежит именно в обезличивании человека, лишении его внутренней свободы, способности рассуждать, думать, анализировать...

Определенная замедленность (особенно вначале) повествования не мешает смотреть фильм с интересом, обостренным вниманием. Неспешно рисуя атмосферу жития городка Брикмилля и его обитателей, не пренебрегая второстепенными, бытовыми деталями, создатели картины стремятся достичь максимальной достоверности происходящего, подчеркнуть обыденность всей этой жизни, внешне спокойной, упорядоченной, благополучной. И оттого-то в конечном счете страшной.

Столь же достоверны, полнокровны и все отрицательные персонажи фильма (взбунтовавшийся Кэттл называет их «большими серыми крысами»), великолепно сыгранные Е. Весником, Э. Виторганом, В. Ивановым, А. Вокачем. Артисты вроде бы не жалеют мрачных, беспощадных красок для своих героев, но, с другой стороны, вызывают и снисходительную жалость к ним, ибо в негодовании «сильных мира сего» по поводу Кэттла можно уловить странную, быть может, ими толком и не осознанную зависть к бывшему банковскому служащему. Не просто нежелание, но и бессилие хоть как-то изменить свое тупое существование, на которое они запрограммированы. На этом фоне мистер Кэттл и миссис Мун, тонко и изящно сыгранные Ю. Соломиным и Н. Корниенко, выглядят по-настоящему счастливыми людьми. Конечно же, они избрали нелегкую дорогу, но сознание того, что эта дорога, возвращающаяся к жизни, все-таки найдена ими, придает влюбленным силы.

Двое покидают Брикмилль навсегда...

Н. МИХАЙЛОВА

БИБЛИОТЕКА НА ЛАДОНИ

Фото Э. Эттингера

Недавно в Москве проходила выставка, организованная Центральным правлением Всесоюзного общества любителей книги. Экспонатами ее стали книги, но не обычные, а миниатюрные.

Наш корреспондент **И. СБИТНЕВ** взял короткое интервью у члена Московского клуба любителей миниатюрной книги **А. А. ГАРЬЯНОВОЙ.**

— С какой целью организована выставка?

— Прежде всего для того, чтобы показать, насколько велики масштабы нашей мини-полиграфии. Примечательно, что в экспозиции представлены книги не только известных издательств страны, но и издательств союзных и автономных республик, чья продукция, как оказалось, ни в чем не уступает книгам, выпущенным в Москве или в Ленинграде.

— Расскажите, пожалуйста, о самой маленькой книжке на выставке.

— Выпустили ее мастера Пятой московской типографии. На ее крохотных страничках поместился отрывок из поэмы В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин», да еще с цветными иллюстрациями. Это самая миниатюрная отечественная книга и самая маленькая в мире, посвященная ленинской теме. Она в три раза меньше спичечного коробка.

Уместно вспомнить и о книгах-малютках, побывавших в космосе. На их обложках — автографы космонавтов Ю. Глазкова, В. Горбатко, Л. Попова. На орбите, как известно, учитываются каждый лишний грамм и каждый сантиметр, вот почему миниатюрные издания так ценны для космонавтов.

— А какие мини-издания готовятся к выходу в свет?

— Обо всех не скажешь. Назову лишь два, на мой взгляд, очень интересные. Ставропольское книжное издательство в этом году наметило выпустить трехтомник поэтов-декабристов. В скором времени там же выйдет чисто «женский» сборник из трех томиков с произведениями М. Цветаевой, А. Ахматовой и О. Берггольц.

КЫСТРА

Петр МИРОНОВ

В тот послевоенный год в Якутске проводилась республиканская выставка охотничьих собак. Мы с сыном Сережей отправились на стадион, на обширной площадке которого расположились собаки, преимущественно якутские лайки, известные своей выносливостью и универсальностью. Вообще-то такой породы собак нет, но так уж повелось, что эвенкийскую лайку в здешних местах издавна зовут якутской. Есть кровь этих редкостных собак и в довольно распространенных восточносибирских лайках. Наше внимание привлекла собака, похожая на лисичку. Четырехлетний Сережа бесстрашно протянул к ней руку, и пес ласково лизнул ее.

Походив по выставке, мы вновь остановились возле приветливой собаки и чем дольше ее рассматривали, тем сильнее она нам нравилась. Сережа теребил меня за рукав и твердил:

— Давай возьмем ее домой!

Отвлечь его от приглянувшейся лайки было невозможно.

Маленькие семейные разногласия были прерваны приветствием:

— Здравствуйте!

Перед нами стоял высокий худощавый человек с длинными седыми волосами.

— Я за вами давно наблюдаю. Давайте познакомимся: Борис Михайлович Криштанович. Мне очень приятно, что вам понравилась моя собака. Она здесь вне конкурса...

В жизни так бывает: не успеешь познакомиться с человеком, как уже чувствуешь симпатию к нему. Через несколько минут мы оживленно разговаривали, медленно прохаживаясь вдоль стендов. Замечания нашего спутника по поводу собак выдавали в нем большого знатока.

— Простите, но откуда у вас такая осведомленность?

— Так я же охотник. Ведаю здесь на общественных началах питомником якутских лаек.

Он вздохнул и добавил:

— Жаль, что питомник расформировывают... Боюсь, как бы не пришлось лет через двадцать — тридцать днем с огнем искать якутскую лайку, такую вот, как Кыстра...

Так мы с Сережей узнали, что «нашу» лайку зовут Кыстрой. К Криштановичу она попала перед войной, когда по делам питомника он много ездил по глубинным якутским селениям. Кыстру нашел в селении Вилюйского района и заплатил за нее высшую цену, которая была разрешена Якутторгом,— четыреста рублей. В переводе на русский язык «Кыстра» означает «Дочка».

Вскоре мне довелось увидеть Кыстру на охоте. Помню как сейчас — рано поутру мы с Борисом Михайловичем подходили к большому травянистому озеру. В темноте послышался свистящий шум крыльев, но лишь после выстрела Криштановича я увидел цель: четверка шилохвосток, не меняя курса, скрылась в лучах восходящего солнца.

— Высоковато шли! Но все же подранок должен быть,— уверенно сказал Борис Михайлович.— Видите: нет Кыстры.

И действительно, спустя минут пятнадцать, раздвигая прошлогоднюю траву, показалась Кыстра с уткой в зубах. Опустив ее у ног хозяина, отошла, отряхнула с себя воду и села в сторонке.

На обратном пути я спросил у своего спутника, не уступит ли он мне Кыстру. Борис Михайлович молча покачал головой. Потом твердо сказал:

— Только в одном случае: если буду уезжать.

И вот однажды раздался телефонный звонок, и знакомый голос глухо произнес:

— Приходите за своей собакой...

Борис Михайлович, уезжая на запад, сдержал свое слово.

В нашей квартире Кыстра освоилась быстро. Надо ли говорить, что Сережа был беспредельно рад. Он буквально не отходил от своей любимицы.

Как-то я решил прогуляться с Кыстрой до ближайшего леса. Кыстра сразу же исчезла, и я с трудом, увязая в глубоком снегу, нашел ее сидящей под деревом. В сетчатой кроне лиственницы разместилось около двух десятков тетеревов. Восхищаясь охотничьими качествами собаки, я ругал себя на чем свет стоит за то, что не взял ни ружья, ни лыж. А Кыстра по-прежнему искусно отвлекала на себя внимание птиц и осуждающе посматривала на меня: «Ну, что ж ты бездействуешь?»

Я шагнул под дерево, птицы с шумом снялись, и тут же вслед за ними исчезла Кыстра. Бегая по дороге, чтобы согреться, я до хрипоты звал Кыстру. Только в темноте, удрученный, вернулся домой. Жена молча, не расспрашивая, скрылась на кухне. Сережа плакал и требовал отправиться на поиски Кыстры, пока ее не съели волки.

Сережа с Пираткой и Кыстрой.

Ранним утром я вышел во двор. На снежном холмике среди двора, свернувшись клубочком, лежала лайка. Я радостно бросился к ней, Кыстра встала, потянулась, стряхнула с себя иней и спокойно пошла мне навстречу, как будто ничего и не случилось.

С помощью Кыстры я вскоре стал заядлым охотником. Не раз мои новые знакомые предлагали сравнить наших охотничьих собак в работе — Кыстра неизменно выходила победительницей в этих состязаниях. Добрая слава о ней разнеслась по всей округе, но я и сам продолжал обнаруживать в своей собаке все новые и новые удивительные качества.

В пору весеннего ледохода на Лене часто бывают заторы. В узких местах реки образуются ледяные плотины, за которыми неудержимо поднимается вода, затапливая окрестные острова и селения. Ниже таких заторов-плотин река на большом расстоянии может быть свободной ото льда. Здесь пернатые и находят для себя места для отдыха и кормежки.

Охотников в эту пору как магнитом тянет на реку. Однажды на небольшом катере шли мы против течения к затору и под вечер высадились на остров. Кыстра выпрыгнула раньше меня и стремглав устремилась к ближайшему озеру. И вдруг с катера раздались тревожные сигналы: «Скорей, скорей возвращайтесь!»

До меня донесся треск ломающегося льда, опасность была очевидной. Я стал звать Кыстру, но она не появлялась. Возмущенные моей медлительностью, охотники буквально забросили меня на борт, и катер, подгоняемый течением, помчался прочь от надвигающихся ледяных гор. Я в отчаянии смотрел назад в сумеречную даль. Увы, Кыстра должна была погибнуть...

Мы спустились по реке и, освещая путь фарами, высадились на берег в безопасном месте. Устроившись в стороне, я лежал лицом к костру и думал о Кыстре. Прошло довольно много времени. И вдруг я почувствовал чье-то прикосновение. Быстро обернувшись, я обнаружил прижавшуюся к моей спине Кыстру...

Начинался сезон охоты. Кыстры со мной не было — она растила трех щенков. Спрос на них был большой, я подарил двух, а себе оставил красношерстного самца — Пиратку.

Как-то, возвращаясь с работы в сумерках, я заметил Пиратку, трусливо юркнувшего под ворота. Зная, что Кыстра никогда не оставляет без присмотра своего любимца, я бросился к дому: Кыстры не было. В тревоге поспешил я на проезжую часть улицы и у обочины увидел неподвижную Кыстру. На голове ее была огромная рана.

Не раздумывая, я подхватил лайку на руки и поспешил в дом, где уложил ее на диван, не зная, что предпринять. Из оцепенения меня вывел сын. Он тряс мое плечо и настойчиво требовал: «Зашивай, скорей зашивай!» Не раздумывая, я тут же приступил к операции.

Через неделю Кыстра уже могла глотать размельченную пищу. Вскоре мы удалили швы, а спустя еще две недели Кыстра была уже почти здорова и снова занялась воспитанием Пиратки. Она уводила его в тайгу, терпеливо учила находить дичь. Пиратка оказался достойным учеником — он, например, мог в стремительном рывке хватать взлетающую птицу. Чуть-ем определял места, где под глубоким снегом таилась куропатка или тетерев. Даже заяц не мог состязаться в беге с Пираткой...

Во дворе нашего дома у каждой собаки был свой снежный холм, на котором, свернувшись, они спали. Обе собаки были сыты и в квартиру заходить не желали. Проголодавшись, обычно до рассвета уходили в тайгу и возвращались с наступлением темноты, непременно с добычей в зубах: зайцем, тетеревом, куропаткой. Принесенное зарывалось в снег. Спустя два-три дня запас извлекался, а когда еда кончалась, все повторялось сначала.

Обе собаки были миролюбивы, к посторонним людям безразличны. Зато к Сереже они были очень привязаны, всегда встречали его и провожали, охотно таскали сына на лыжах по глубокому снегу.

Весной мне предложили отдать Пиратку в Новосибирский питомник. За чистокровную якутскую лайку годовалого возраста предназначалось солидное вознаграждение. Мне сказали, что в питомнике предполагается вывести улучшенную служебную собаку, способную нести караульную службу в условиях сибирских морозов.

— Нет, дорогие товарищи, не хватит у меня сил, чтобы расстаться со щенком!

И все же с Пираткой пришлось расстаться, когда мы уехали на лето в отпуск. Пиратка был отправлен в Новосибирский питомник для обучения. Программу собачьего «университета» он освоил с отличием. Я узнал, что и его потомство верой и правдой служило якутской милиции. Участвуя в сложнейших операциях, в самые лютые метели и морозы с легкостью расшифровывали потомки Пиратки следы преступления, что обычно было трудно овчарке, непривычной к суровым условиям Севера.

Кыстру, тоже жившую в питомнике, я забрал, как только вернулся домой. На следующий же день пошел с ней поохотиться. День выдался холодный, ветреный. В таежных зарослях Кыстра выследила тетеревиный выводок. Косач, задевая крыльями кустарник, с шумом ринулся вверх. Машинально вскинув ружье, я выстрелил. Птица камнем ударилась о мерзлую землю. Спокойно подошел я к месту трофея и остолбенел. Возле тетерева мертвой лежала моя Кыстра. Я закрывал и открывал глаза в надежде, что это мне почудилось. Нет, капля крови, выступившая под ухом у Кыстры, все объяснила: всего лишь одна шальная дробинка... В отчаянии бросив на землю ружье, я бережно поднял обмякшее тело Кыстры...

Прошло более четверти века. По сей день вспоминаются мне Кыстра, товарищи, охотничьи костры, моя непростительная оплошность. А жизнь течет, Сергей уже взрослый, и теперь меня просят купить собаку внуки — Наташа и Дима.

В конце концов на семейном совете было решено приобрести собаку именно такую, как Кыстра, но переписка с якутскими охотниками напомнила мне пророческие слова Б. М. Криштановича: «Боюсь, как бы не пришлось лет через двадцать — тридцать днем с огнем искать якутскую лайку».

Рис. В. Дубова

«Эй, вратарь, готовься к бою!» Рис. А. Орехова

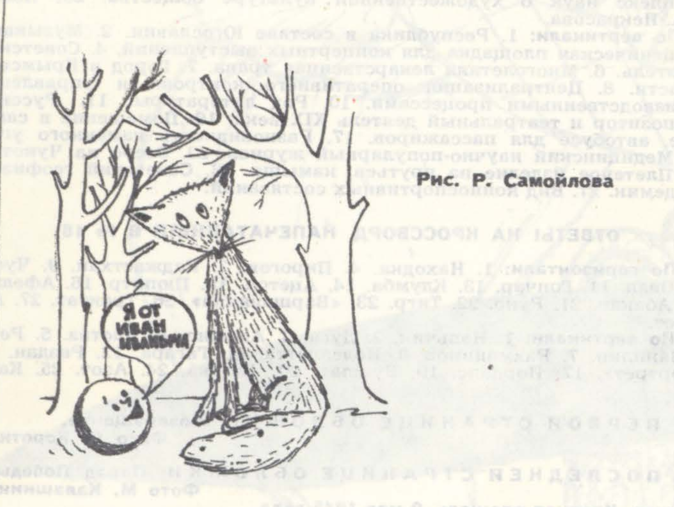
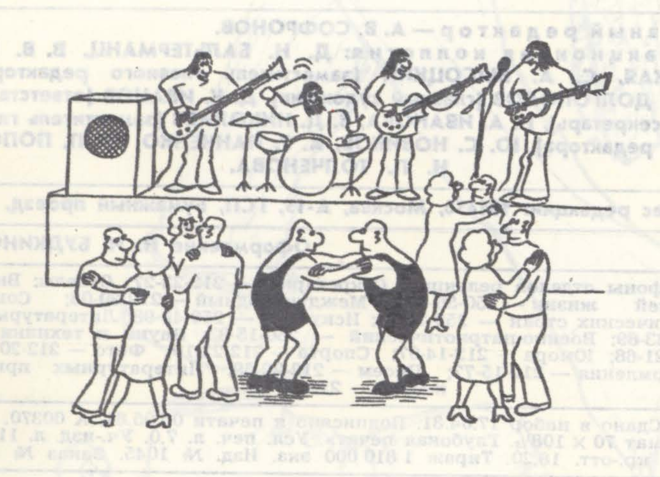

Рис. Р. Самойлова

Рис. А. Дмитриева

Юрий БОРЗЕНКОВ

ПРОСТОТА И НРАВЫ

БАСНЯ

Однажды Слон, хоть деликатен он
Да и душою от природы прост,
Случайно Крокодилу наступил на хвост.
В ответ вся злая крокодилья стая
Слона чехвостить с наслажденьем стала...
Услышав, как бушует эта свора,
Не зная сути дела, без разбору,
Осел, который мимо проходил,
«И я! И я!» — в восторге завопил,
Мотнув упрямой головой,
С разбегу налетев,
Лягнул Слона ногой.

Такая и с людьми случается напасть:
Когда откроют крокодилы пасть —
Легко в немилость и к ослам попасть.

ФИНАЛ ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ ЛИГИ

Борис РЯБИКИН

Уже с утра слабонервные жители микрорайона захлопывали форточки. Вздрагивали молодые мамы с колясками, подальше отвозили младенцев. Подтормозил проезжавший мимо милицейский патруль, так, на всякий случай.

— Жми, Ерофеич! — подбадривали болельщики.

Лучший забойщик пятого подъезда отдуплился и стал держать длинный двоечный конец. Противник дрогнул. С короткого пришлось слезать. На глазах знатоков засыхали азичный и мыльный дупли.

— Сапоги! — ласково произнес лидер пятого подъезда и с размаха хлопнул костью по фанере.

— Кажется, рыба,— с надеждой покосил глазом измотанный третий подъезд.

— Козлы!!!

Зрители засвистели, заулюлюкали. В расстегнутых пиджаках, при галстуках, третий подъезд покорно полез под стол. Слышалось приглушенное покряхтывание, из карманов падали ключи и расчески...

Отряхнув на коленях брюки, третий подъезд тут же взял тайм-аут.

— Жестче надо, жестче. Прессинг — с двух концов. Главное — не давать дуплиться.

Но и жесткий прессинг не помогал.

Капитан проигрывающей команды вдруг хлопнул себя по лбу кулаком и закричал:

— Стой! А ну, дыхни, Ерофеич!

Румяный лидер пятого подъезда божился, что это еще со вчерашнего.

— Не принимал сегодня, ей-богу! Старуху спросите.

Устроили экспертизу.

Неподкупная комиссия была единодушна. Допинг!

В соответствии с международными правилами результаты встречи с пятым подъездом были аннулированы. На высшую ступеньку чисто подметенной лестницы поднялся третий подъезд.

Самая красивая девушка жэка вручила смущенному капитану приз справедливый игры.

Я СПЕШУ НА СВИДАНИЕ

Семен КОМИССАРЕНКО

Я с нетерпением жду, когда закончится рабочий день,— спешу на свидание... Нужно проехать до станции метро «Измайловская», потом пересесть на троллейбус, потом пересесть на трамвай...

Я вспоминаю, с каким трепетом я записывал вчера этот адрес. Что я скажу ей? Я скажу, что она мне сразу понравилась, что я давно мечтал встретить именно такую женщину, скромно добавлю, что у меня отдельная квартира, газ, телефон... А потом я поеду до остановки метро «Университет». Там у меня второе свидание. Я скажу, что давно мечтал... в общем, то же самое. Два свидания в день — моя норма. Иногда получается три, в субботу — четыре, в воскресенье — пять...

Как я знакомлюсь? Чаще всего с помощью друзей, коллег, иногда это случайные знакомства: в метро, в троллейбусе, на улице...

Вот уж третий месяц, как только заканчивается работа, я спешу на свидание. За это время я объехал уже всю Москву, встречался с десятками женщин...

Третий месяц я ищу няню для своего двухлетнего ребенка.

НОСИТЕ ОРДЕНА

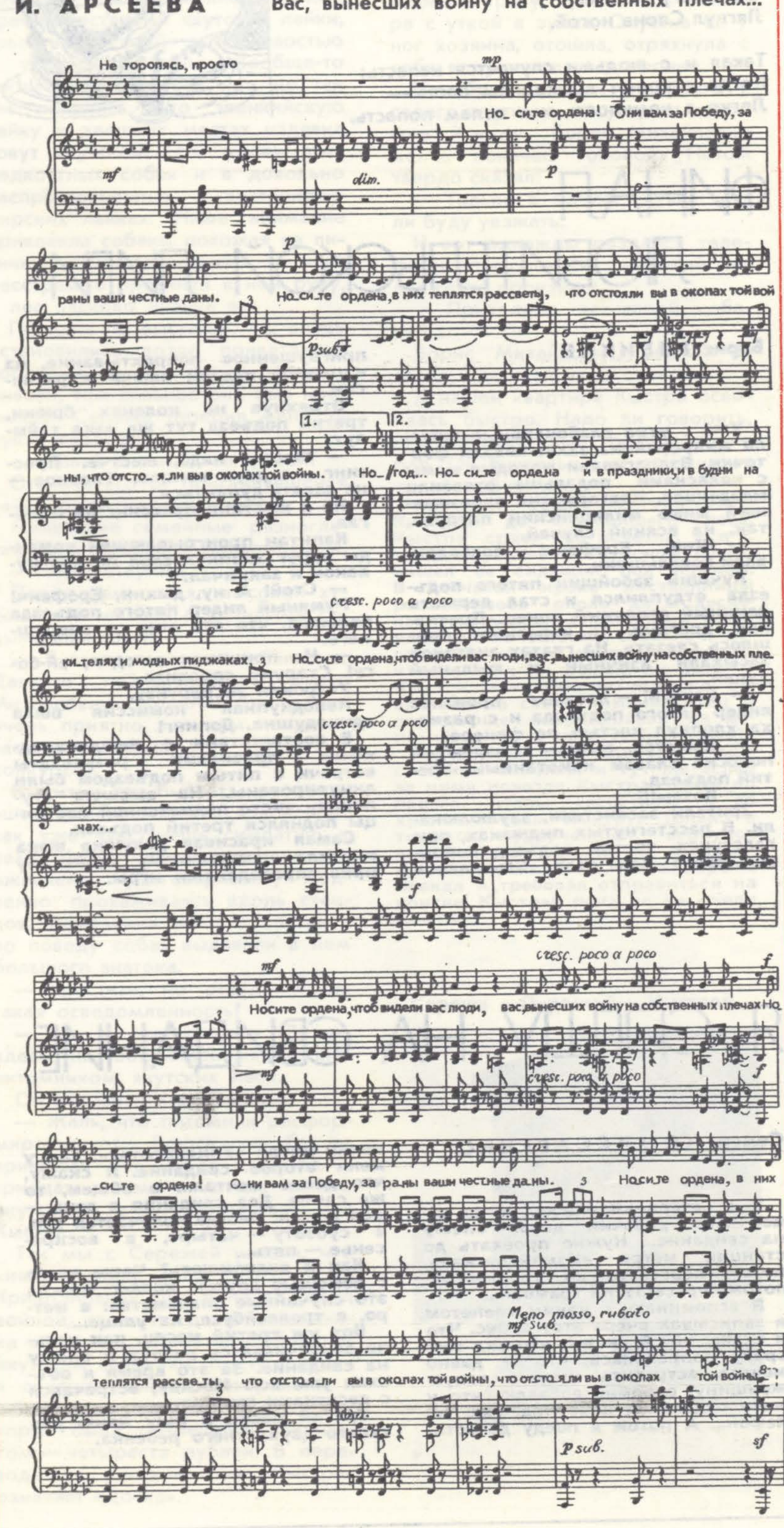
Стихи
А. КОВАЛЬ-ВОЛКОВА

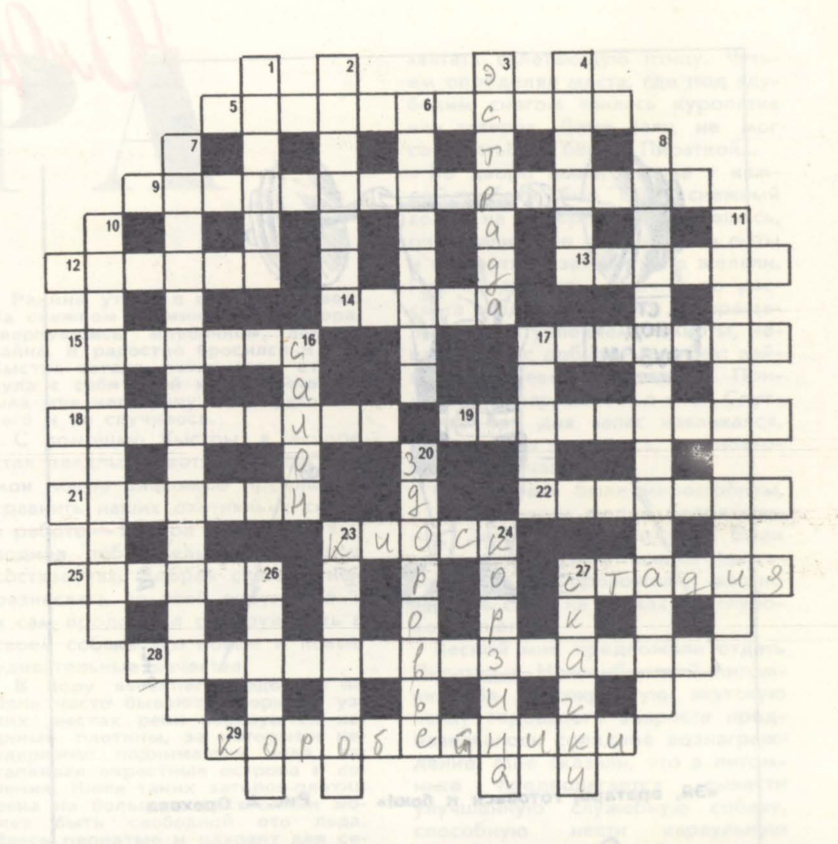
Музыка
И. АРСЕЕВА

Носите ордена! Они вам за Победу,
За раны ваши честные даны.
Носите ордена, в них теплятся рассветы,
Что отстояли вы в окопах той войны.

Носите ордена! Вы можете гордиться:
Над сорок первым мощь ракет встает.
Носите ордена, в них, как живые, лица
Солдат, что крепко спят в земле который год...

Носите ордена и в праздники и в будни,
На кителях и модных пиджаках,
Носите ордена, чтоб видели вас люди,
Вас, вынесших войну на собственных плечах...

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Симфония Л. Бетховена. 9. Отрасль промышленности. 12. Гимнастический снаряд. 13. Советский историк, академик. 14. Марка чехословацких автомобилей. 15. Минеральное удобрение. 17. Художественный прием в литературе и искусстве. 18. Советский космонавт. 19. Народный поэт Дагестана. 21. Традиционный персонаж итальянской комедии масок. 22. Город в Свердловской области. 23. Небольшой павильон для торговли газетами, цветами. 25. Одежда японцев. 27. Определенный период, этап в развитии. 28. Комплекс наук о художественной культуре общества. 29. Поэма Н. А. Некрасова.

По вертикали: 1. Республика в составе Югославии. 2. Музыкант. 3. Сценическая площадка для концертных выступлений. 4. Советский писатель. 6. Многолетняя лекарственная трава. 7. Город в Крымской области. 8. Централизация оперативного контроля и управления производственными процессами. 10. Род литературы. 11. Русский композитор и театральный деятель XIX века. 16. Помещение в самолете, автобусе для пассажиров. 17. Разновидность каменного угля. 20. Медицинский научно-популярный журнал. 23. Озеро на Чукотке. 24. Плетеное изделие из прутьев, камыша. 26. Советский геофизик, академик. 27. Вид конноспортивных состязаний.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 1. Находка. 4. Пирогов. 7. Раджастхан. 9. Чуфа. 10. Овал. 11. Гончар. 13. Клумба. 14. Ацетон. 15. Пюпитр. 16. Афелий. 18. Абакан. 21. Руно. 22. Тигр. 23. «Варшавянка». 26. Трактат. 27. Антарес.

По вертикали: 1. Нальчик. 2. Дуга. 3. Адажио. 4. Плотва. 5. Репа. 6. Ванилин. 7. Рахманинов. 8. Новеллетта. 11. Гагара. 12. Раздан. 15. «Портрет». 17. Иорданс. 19. Вушлат. 20. Аляска. 24. Азот. 25. Кант.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Возвращение.
Фото С. Короткова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Парад Победы.
Фото М. Калашникова
Москва. Красная площадь. 9 мая 1945 года.
Фото Я. Халипа

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 17.04.81. Подписано к печати 05.05.81. А 00370. Формат 70 × 108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1045. Заказ № 464.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва. А-137. ГСП, улица «Правды», 24.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

Только гонка вооружений и ярый антисоветизм объединяют между собой Вашингтон и Пекин.

СОВЕТСКАЯ
УГРОЗА!!

Вид содержания и формы
Их политической «платформы».

Дм. Дёмин

КУКРЫНИКСЫ-81

ISSN 0131—0097
Индекс 70663

Цена номера 35 коп.